

Н.В. ЗАХАРОВ

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

КНИГА ТРЕТЬЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Захаров
Анна Ермолаева
Смутные времена. Книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43689642

SelfPub; 2019

Аннотация

Как это ни прискорбно осознавать, но вся История России – Смутные времена. Из тьмы веков и до дня нынешнего. Все совпадения имен персонажей с реально жившими и живущими людьми совершенно случайны. Продолжение Жуликов и Авантюристов. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	44
Глава 4	57
Глава 5	71
Глава 6	96
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Глава 1

То место, куда Михаил попал в результате перемещения в пространстве и времени, оказалось совершенно не освещено, и ему пришлось включить фонарь, чтобы убедиться в том, что попал все же в пирамиду.

– Что за хрень, почему темно?– спросил он самого себя, оглядываясь по сторонам. – Мазаришарифка, все правильно,– донесшийся до его ушей стон за спиной, заставил Михаила резко обернуться и направить луч фонаря в сторону звука. Стонал Сергей, лежащий у стены.

– Что-то пошло не так? Почему?– Михаил взглянул на экран мобильного и шепотом выругался. Настроенный заранее на возврат в век 19-тый, он выполнил команду и переместил их именно в него. Присев рядом с Сергеем на корточки, Михаил убедился, что друг находится без сознания и набрал на клавиатуре век 21-ый. По вспыхнувшему свету Михаил понял, что перемещение произошло, и взглянул на лежащего Сергея. Дыхание, до этого прерывистое и хриплое мгновенно нормализовалось и Сергей, открыв глаза, спросил:

– Со мной решил выскочить?

– Извини, но не туда сначала перебросил. В 19-тый. Как самочувствие? Шея не болит?

– Нет. И сколько я в 19-ом провалялся?

– Полчаса примерно, пока я с этими гавриками чернору-

башечными разобрался.

– Быстро. Х666Х нашел?

– Нет. Ложный объект оказался. Нас заманивали.

– И это им удалось. А знаешь почему?– Сергей сел и потянулся как после крепкого, здорового сна.

– Почему?

– Потому что ты как бык на красную тряпку бросаешься в любое место, где это Х666Х якобы есть. И меня за собой волочишь. Шею вот опять сломал на хрен.

– Ну, извини. Между прочим, я тебе не советовал по лестнице спускаться, ты сам поскакал горным козлом. Архар, блин. И вообще, пора левитацию освоить, чтобы ноги и позвоночник не ломать. Там и высота-то всего сто метров была. Хорошо, что я рядом был. Утащили бы тебя чернорубашечники, приковали цепями к скале как этого Прометея, который для людей огонь у Зевса спер, и клевать бы печень принялись.

– Сто метров всего? Ни хрена себе. У меня ноги в задницу ушли, когда приземлился. А потом и не помню ничего. Легко тебе говорить "левитируй" со своими коэффициентами магическими запредельными. А мне с моими никакими... Не получается, пробовал я.

– И в браслетах?

– Всяко.

– Должно получаться. Я же без браслета запросто летаю, а у тебя с браслетом коэффициент выше, чем у меня без. Так

что дело не в нем, а в тебе. Не веришь в свои силы. Пробуй, если не хочешь чтобы ноги опять в заднице оказались как-нибудь. Жизнь у нас беспокойная началась и возможно, что придется падать в своем времени. А из него эвакуировать трупы, увы, только на кладбище можно.

– Пугаешь жизнью беспокойной? А до этого у нас какая была? Курортная? Меня уже кошмары по ночам мучают. Столько смертей видел, что спать не могу уже.

– Ты прямо как барышня кисейная. Заплачь еще у меня на плече,— хмыкнул Михаил.

– Ты пожале-е-е-ешь. Закинул, блин в 19-тый век, наверняка специально, чтобы помучился.

– Коне-е-ечно. Дай думаю, устрою другу экстрим, чтобы в следующий раз, прежде чем нос совать, куда не следует, подумал хорошенько, особенно когда предупреждают люди опытные. Умудренные жизнью так сказать.

– Ага-а, признался. Ладно, проехали. Нам домой не пора? Там супруги пади с ума сходят.

– Ну да, уже минут десять, как мы должны появиться, а нас нет и нет. Поехали.— Михаил снова набрал век 19-ый, но с координатами Москвы, пробормотав.— Хорошо, что я тебя к ним с позвоночником, сломанным не отправил. Вот уж был бы переполох.

– Действительно, как это ты так оплошал? Место не то выбрал.

– Наверное, впопыхах. Место правильное, а со временем

прокололся.

– А мне выволочку устраиваешь. Мудрец ты наш.

– Поехали,– Михаил ввел команду. Свет мигнул и знакомое помещение секретной комнаты с привычным интерьером, сменило мазаришарифку. Домашние почти все собрались в ней. Все взрослые члены семейств.

Аннушка с Катюшей тут же повисли у Сергея и Михаила на шеях, захлопав носами.

– Где вы были? Целых пятнадцать минут?– всхлипывала Катюша, теребя Михаила.

– Пятнадцать? Не может быть. По моим прикидкам минут пять. Заскочили в мазаришарифку, скинули кое-какое барахло и информацию в век 21-ый,– начал он оправдываться.

– Мы вас ждем, ждем. Уже собрались мужчин на поиски посылать,– подключилась к упрекам Аннушка.

– Зачем? У вас же амулеты. А на них информация есть, что у нас все в порядке,– попробовал успокоить супругу Сергей и тут же пожалел, что вспомнил о медальонах.

– Поэтому и забеспокоились. У Михаила нормальный, а у тебя уже полчаса такой, что мне плохо стало.

– Миха, что-то видать в электронике твоей магической глючит. Проверь мой амулет,– попробовал вывернуться Сергей, но попытка выкрутиться, таким образом, опять не прошла.

– Не юли. Признавайся, что случилось? Опять шею свер-

нул?— Аннушкины глаза смотрели так уличающе, что у Сергея язык не повернулся солгать.

— Чуть, чуть ноги. Упал в яму неудачно. Пришлось восстанавливаться в 21-ом, поэтому и задержались на эти несколько минут,— признался он, пряча глаза.

— "Чуть, чуть". Да у меня чуть сердце не остановилось полчаса назад. Так кольнуло, что я сразу поняла, что ты шею опять свернул и лежишь в какой-нибудь яме, а рядом нечисть всякая оружием гремит и добить хочет,— завсхлипывала Аннушка.

— Ну-у-у, что за фантазии? Не так все страшно было. Скажи, Миха. Видишь, мне не верят.

— А ему верим? Да он еще пуще тебя умеет сказки рассказывать,— осадила его Катюша.

— Ну, все, отпустите уже наши души на покаяние. Работа у нас такая. Бывает. Голодные, кстати, как волки. Что там у нас на обед?— попытался Сергей переключить внимание женщин.

— Ужин уже на часах, совсем заработались,— через силу улыбнулась Аннушка.— А на ужин у нас сегодня пельмени и чай с оладьями.

— С чего это праздник такой в доме?— сделал удивленное лицо Сергей.— Столько радостей и в одном месте.

— Ох. Можно подумать, что ничего вкуснее этих пельменей и оладьев у нас не бывает,— возмутилась Аннушка.

— Бывает,— вынужден был признать Сергей.— Помню, как-

то уху приготовили. Эх, уха!

– Я вот тебе за такие слова,– обиделась Аннушка, отстраняясь от него и шутливо замахиываясь.

– Пошутил, солнце ты мое,– перехватил ее руку Сергей.– Как детки?

– Подрастают, папочка. Целый день в безотцовщине и чуть не осиротели,– Аннушка погладила шею Сергея.– Не болит?

– Да шея-то почему? Я же сказал, что ноги только чуть, чуть...

– Знаю я, какие ноги. Это с какой же высоты нужно было упасть в вашей одежке, чтобы "ноги чуть, чуть"?

– Михаил говорит, что метров сто там было,– ляпнул Сергей и тут же испуганно схватился за рот.

– Что-о-о-о?! "Чуть, чуть",– Аннушка опять залилась слезами.

– Ой, прости, лапушка. Живой я, живой. Радоваться нужно, а ты плачешь,– принялся Сергей успокаивать супругу.

– Я и радуюсь,– улыбнулась она сквозь слезы и притихла у него на плече.– Неси вот теперь домой на руках. Все силы мои иссякли на ожидание и слезы.

– Да без проблем, как скажешь,– Сергей подхватил супругу на руки, и она взвизгнула, затрепыхавшись.

– Отпусти. Люди же смотрят. По городу, что ли понес бы?

– А что тут такого? Пусть все видят, что я тебя люблю и завидуют.

– Так уж и позавидуют. Наши люди русские не завистливы и сами любить умеют.

– Умеют, конечно, и не завидуют,— согласился с женой Сергей.

После ужина в доме у Сергея, все "концессионеры" мужчины собрались в его "курилке" и поделились информацией о последних днях в веке 20-ом.

– Какие дальнейшие планы, господа?— Федор Леонидович задал главный вопрос.— Не пора ли в век родной перебираться и ставить там окончательную точку. Жизнь в эмиграции даже на Родине как-то поднадоела. То нельзя, это нельзя. Петрович, какие планы?

– Действительно, сын. Вроде бы все разузнали что требовалось. Пора уже навестить эту "шестерку" в их берлоге под Баденом,— поддержал Академика Петр Павлович.

– Завтра займемся,— кивнул Михаил, соглашаясь.

– Кто займется? Ты и Сергей? А может всем вместе туда заявиться? Не слишком ли ты, паря, самоуверен?— Силиверстович дымил беломориной и швырял в мишень дротики. Попав в десятку, он удовлетворенно хмыкнул и швырнул следом подвернувшийся под руку кухонный нож. С ножом получилось хуже. Прилетел в мишень ручкой и, отскочив, воткнулся у ноги Петра Павловича в пол.

– Спасибо, Силиверстович, что не в ногу,— поклонился он и, выдернув нож, запустил его обратно в мишень. На этот раз бросок оказался результативнее — воткнулся, правда, не

в мишень, а ниже на полметра.

— Петр Павлович, что за результат? Не годится никуда. Силверстовичу простительно, он сугубо штатский человек. А вы же в спецназе служили и вилкой на лету муху должны прокалывать,— тут же сделал замечание полковнику в отставке Сергей.

— Так уж и должен? Сергей, что за баек ты наслушался про спецназ? Кто тебе сказал, что муху можно заколоть вилкой? Особенно нашей советской — алюминиевой. Зашибить до смерти — это да. А колющее ранение мухе вилкой — это тебя дезинформировали.

— Советской — да, а вот этой... — Сергей сунул в руку Петра Павловича вилку века 19-го из серебра.— Этой запросто. Потрогайте концы, как шило.

— Действительно острые. Такой вилкой опасно есть, — травмоопасна. Сам заточил? Неужели чтобы швырять? И как только такое варварство твоя Аннушка терпит?

— А она не терпит. Она не знает,— ухмыльнулся плутовски Сергей.— Сюда не суется, а вилки она не подсчитывает. Десятком меньше, десятком больше,— Сергей потянулся к столу журнальному, на котором у него разместились ящики с колюще-режущими инструментами и, вытащив несколько вилок, швырнул их одну за другой, не целясь, в мишень. Вилки свистнули мимо уха Михаила, сидящего напротив и, он от неожиданности пригнулся.

— Вот так,— улыбнулся победно Сергей.— Все в центр. Тре-

нировка, тренировка, тренировка и никаких проблем.

– Не наигрался в детстве, внучок?– похлопал его по колену Силиверстович.– Чуть своими вилками скальп с Михаила попутно не срезал. Молодец.

– Да я с завязанными глазами не промахнусь,– обиделся Сергей.

– Вот уж это позволь усомниться. Швыряешь знатно, слов нет. Но что бы вслепую... – засомневался Силиверстович.

– Завязывай глаза,– завелся Сергей.– На что спорим?

– На подзатыльник,– обрадовался Силиверстович.

– Мне, дедуль, тебе подзатыльник отвешивать как-то неуместно.

– А кто сказал, что мы спорить будем на подзатыльник мне?– удивился тот.

– А если я попаду, тогда что в качестве морального удовлетворения получу?

– Получишь славу заслуженную, всеобщее восхищение коллектива здесь собравшегося. Что тебе еще орясине нужно?– возмутился Силиверстович.

– Ну, уж нет. Это не правильно. Если не попаду, то подзатыльник унижительный, а если попаду, то восхищение. Нет, Силиверстович, я так не согласен. Дискриминацией попахивает моей персоны.

– Ну, а чего же ты хочешь?

– Будешь меня неделю по отчеству величать. Это будет и уважение, и восхищение наглядное.

– По отчеству?– Силиверстович задумался, поглядывая из-под лохматых бровей на внука. Потом взглянул на мишень и на вилки.– Ладно,– принял он условия пари. – Годится. Обязуюсь. Но учти, внучок, завяжу глазыньки на совесть, и подзатыльник отвешу от всей души,– хлопнул он по подставленной ладони Сергея и сняв с шеи шарф, принялся наматывать его на лицо внука.

– Рот-то не затыкай,– заорал Сергей возмущенно.– Умру от удушья, тогда покойнику подзатыльник придется отвешивать.

– Извини, не заметил,– Силиверстович, поправил шарф и вложил вилки в руку Сергея.– Давай. Мишень вон там,– повернул он Сергея в сторону противоположную от нее.

– Ага. Меня на мякине, дедусь, не проведешь. Я в этой курилке каждую половицу по скрипу могу от соседней отличить. Вот на этой я стою, когда бросаю. Нота "Ля". Мишень прямо напротив,– Сергей потоптался на месте и развернулся в нужную сторону.– Не оговорили, кстати, сколько попаданий.

– Все что в руке у тебя,– подсказал Силиверстович и замер в ожидании возражений, но Сергей перебрав полученные от него вилки, только хмыкнул.– Пять всего? Мне без разницы,– и почти без замаха, швырнул все пять одну за другой в мишень. Вилки просвистели, впиваясь в дерево и когда пятая вгрызлась в мишень, Сергей сорвал с глаз шарф.– Все на месте, как и обещал, дедуль. Начинай навеличивать. Проиг-

рал. Расплачивайся.

– Эх!– вздохнул с сожалением Силиверстович.– А может у меня шарф... Того... просвечивает,– Силиверстович схватил шарф и прикрыл им свои глаза.

– Все честно, не видно через него ничего,– возмутился Сергей.

– Да, действительно,– убедился Силиверстович.– Признаю, Сергей Алексеич, изрядно ты насобачился вилки метать. Сие мастерство достойно того, чтобы неделю по отчету тебя величать. В цирк можешь с таким умением идти выступать. Народ бы ломился. А подзатыльников я тебе и в отрочестве достаточно понаотвешивал. Видать лимит-то весь исчерпал. Такая вот комиссия,– поскреб подбородок Силиверстович.

– Ну вот, в кои веки похвалил, наконец,– расплылся в улыбке Сергей.– Доброе слово и кошке приятно.

– Признаю. Мастер ты в этом деле, Сергей Алексеич. Жаль отец твой не дожил до дня нынешнего. Вот бы уж порадовался за тебя. Таких успехов достиг. Высот можно сказать,– не удержался и съехидничал Силиверстович.

– Вот обязательно нужно шпильку вставить. Что ты за язва такая, дедуль? В кого главное?– вздохнул Сергей огорченно.

– В тебя, Сергей Алексеич,– Силиверстович, взъерошил волосы на голове внука и оба весело расхохотались.

– Вот так и живем с шутками и прибаутками,– поддержал

веселье Петр Павлович.— Однако пари парями, а вопрос повис в воздухе. Так что же?

— Да чего там шлаться толпой?— вопросом на вопрос ответил Сергей.— Смотаемся вдвоем с Михаилом. Не Курская дуга чай.

— Да там похлеще этой дуги может статься,— возразил, нахмурившись Силиверстович.— Это тебе не вилки швырять. И встретят там не пирогами. Небось, поднакопили уже опыта и придумали для вашей поимки, что-нибудь препаскуднейшее.

— Да что они могут? Все их хитрости нам известны. И возможности, кстати, у них ограничены. Хоть и золота почти как в мазаришарифке нахапали за эти века. Придем, сотрем в порошок. Делов-то,— захорохорился Сергей.

— Недооценка противника — наша национальная черта,— прервал его Федор Леонидович.— Шапкозакидательством это называется, Сергей Алексеевич. Нужно предстоящую операцию, по ликвидации "шестерки", обдумать до мелочей. И помощь нашу вы напрасно игнорируете. Это не 15-ый век — это 21-ый. И вы сами говорите, что кое в чем "шестерка" с помощью своих марионеток уже догнала нас технически. В той же электронике. А в оружии? Всякие там ночные приборы и пули с урановым стержнем. Лазеры. Нет, ребята, нельзя вам в 21-ый век вдвоем. Подключайте и нас. Лишними не будем и обузой тоже. Тем более что вы примелькались и ориентировки на вас у "шестерки" собраны уже лет сто, а мы

пока свеженькие для них. Инкогнито, в некотором смысле.

— Ну, какое инкогнито, Федор Леонидович? Ориентировки на всех у них есть там уже и подробнейшие. На всех. Ждут именно любого здесь сидящего и попытаются нейтрализовать, как только мелькнет кто-то в радиусе видимости. Труднее всего это им сделать со мной и Сергеем. И вы там не помощниками станете, а именно обузой. Потому что будете отвлекать нас на обеспечение вашей безопасности. Я бы и Сергея не взял, один отправился и стал бы только не уязвимее для них, но скучно одному.

— А вот это точно уже шапкозакидательство,— закипел тут же Сергей.— Возомнил ты, Миха, о себе. А забыл, как тебя Васька спеленал сетью? Не все мы знаем еще о технологиях допотопных и что там, в загашниках у "шестерки" может оказаться... Я бы так самоуверенно не заявлял. Подстраховка нужна. Мало ли, вытаскивать придется...

— Да я и не спорю, что одному нельзя. Мало ли...— согласился поспешно Михаил.— Но всей компанией туда отправляться — бессмысленно. Там нужно появиться тихо и все тихо обтяпать. А не шлаться толпой.

— Какая толпа?— Петр Павлович, оглядел присутствующих.— Шесть человек. Паритет так сказать.

— Действительно,— напрасно, Петрович, ты полагаешь, что мы обузой будем вам в этом предприятии. И потом, мне например, хотелось бы самому своими глазами увидеть, как будут нейтрализованы эти шестеро. В записи, конечно, увидеть

тоже неплохо, но для душевного спокойствия все же хочется самому поучаствовать,— Федор Леонидович взял в руку одну из вилок и швырнул ее в мишень. Вилка закачалась, воткнувшись точно в центр и Академик хлопнув в ладоши, подвел итог.

— Решено. Операцию планируйте с привлечением всего личного состава. Так, кажется, по-военному нужно изъясняться?

— Так, Леонидович,— улыбнулся Петр Павлович.— Вы, я вижу, тоже изрядно поднаторели в метании вилок. Когда успели?

— Да я случайно. Подумал, что если попаду, то идем вместе, а если нет, то прав Михаил. И кинул. А она... Вот!— развел обескуражено руками Академик.

— Судьба, значит,— засмеялся Вениамин.

Глава 2

Подготовка к операции по ликвидации "шестерки" в 21-ом веке заняла неделю. В основном время отняло изучение и обработка информации собранной о противнике за все время, которое было потрачено на столкновение с ним в различных временах. Подверглось даже сомнению, что объект в пригороде Баден-Бадена является истинным, а не ложным, как в Италии.

— Эти, пожалуй, могут создать иллюзию. И потом во сне восприятие несколько иное, чем в реальности,— высказал сомнения Академик.— Я не уверен, что следует бросаться очертя голову, как собака на кость, только по тому, что в видениях сонных мы с тобой, Петрович, видели якобы их "лежбище".

— А что же мы видели?

— Мы думаем, что видели логово, а на самом деле видели иллюзию магическую. Морок. Ты вот можешь дать стопроцентную гарантию, что это не так?

— Не могу,— согласился Михаил.— Возьмем как версию, что это возможно. Можно смотаться в разведку еще раз туда же во сне. Чтобы понять морок это или нет. Понимаешь, Леонидович, для нас это был сон, потому что мы иначе и не можем попасть туда, а вот для них это было явью. Как и для полотера Юса.

– Тогда зачем нам вообще что-то планировать? Явимся, как прошлый раз во сне и ты там все ликвидируешь. Раз для них это реальность – наш сон.

– Пробовал я, Леонидович, тогда еще взять в руки СТН этот. Он ведь на столе лежал. Не получилось. Мы там, в реальности вроде духов почти бесплотных. Звуки только, получается, издавать и иллюзии создавать, вроде появления "Троянов" тигров, перед "шестеркой".

– А как же тогда Рерюф Ваську за ухо трепал? Я своими глазами видел.

– Как ты мог видеть, если в это время с Марфушей по набережной Невы прогуливался?– Михаил с укоризной взглянул на Академика.

– Вспомнил потом я сон... В подробностях притом. Веришь ли, во сне и вспомнилось?– даже покраснел от смущения, оправдываясь Федор Леонидович.

– Как это во сне вспомнить можно сон?– Михаил удивленно взглянул на Академика.– Что-то новенькое слышу для себя.

– Вот и я удивился. Как такое возможно? Но только именно во сне вдруг вспомнил. Просыпаюсь как-то и просто явно все помнится. И Рерюф этот крючконосый Ваську треплющий за ухо, и лучи лазерные.

– Не понятно, но примем как факт. Ну, а то, что Рерюф Ваську за ухо таскал якобы, так это Васька мой приказ выполнял. Демонстрировал покорность и само собой мотал го-

ловой, будто клешня Рерюфова на него реально воздействует. Вводил в заблуждение.

– Значит, взять там что-то нельзя?

– Увы, Леонидович. Если бы все так было просто, то я бы давно это сделал. Взял и раскрошил СТН,– вздохнул Михаил с сожалением.– Так что готовимся тщательно по намеченному плану. А с вами сегодня вечером прогуляемся еще разок на рекогносцировку.

– А сам ты, Петрович, без меня не можешь? Ведь видел же уже это место и, наверное, без компании обойдешься? Не стану ли обузой? Вот о чем я.

– Обузой не станете. А без вас у меня не получится. Пробовал я. Не понимаю, по какой причине, но в ваш сон только с вами пройти можно.

– Ну, что же. Рад буду составить компанию. Во сколько отправимся?

– Детишек Катюша в 21.00 уложит, и отправимся, пожалуйста.

В этот раз уже знакомый интерьер ненавязчивый путешественники во сне рассматривать не стали, а сразу направились к двери, за которой пряталась "шестерка". Прошли мимо полотерщика – не Юса, а совсем на него не похожего верзилу баскетбольного роста.

– Это Ганс, по-видимому – брат охранника. Значит, мы по времени сдвинулись вперед,– предположил Михаил, проходя сквозь гудящий едва слышно агрегат для натирки полов.

– А Ганса ты, Петрович, не желаешь облагодетельствовать, как тогдашнего Юса?– Академик аккуратно обошел полотерщика.

– Обойдется, он и так счастлив необычайно от удачи, которая свалилась на него в виде этой работы,– Михаил взглянул на самодовольное лицо предположительно Ганса и даже не стал копаться в его мозгах. Найти там что-то полезное вряд ли удалось бы и жаль было усилий.

Дверь прошли опять без проблем и увидели все те же фигуры в балахонах. Теперь они сидели о чем-то оживленно беседуя. Пятеро сидело, а Рерюф /Его трудно было спутать с остальными/ расхаживал, яростно жестикулируя.

– Что-то разошелся сегодня крючконосый. Может, случилось что-то?– Михаил щелкнул пальцами, пытаясь увеличить восприятие звука и это ему удалось. Голос главной "шестерки" загремел буквально в золотом бункере.

– Где этот рабочий? Здесь явные происки. Не пора ли поменять дислокацию? Что говорят эти смертные недоумки?

Вопрос был предназначен одному из шестерых. Рерюф встал за его спиной и хлопнув по плечам ладонями, заставил выпрямиться.

– Докладывают, что поиски продолжаются по всему земному шару. Подключили Интерпол и все полицейские управления. Пока безрезультатно, как в воду канул,– проскрипел тот, явно сконфуженным голосом, будто сам бегал по "всему земному шару" и безрезультатно.

– А может и нет его в этом времени? Перенесли и используют теперь как источник?– озабоченности в голосе Рерюфа прибавилось.

– Но ведь мы знаем, что они знают и готовимся. Так может это и хорошо?– предположил уже знакомый Михаилу голос Нелуга.

– Не нравится мне эта неопределенность. Воры имеют массу преимуществ. Как представляю себе, что в их распоряжении, так просто растерзать готов.

– Эмоции тут не помощник. Нам следует сохранять трезвость в суждениях,– подал голос еще один из четверых, с лицом, перекошенным тонкими линиями губ как шрамом, почти от уха до уха.

– Клоуном с такой-то физиономией только в цирке выступать,– охарактеризовал его лицо Федор Леонидович.

– Тц-ц-ц-ц,– тут-же зашипел "клоун", приложив длинный, узловатый палец к змеиным губам.– Я что-то слышал.

"Шестерка" замерла, а Михаил шепнул на ухо Академику.

– Леонидыч, они могут нас услышать, так что прошу без громких реплик.

– Хорошо,– виноватым тоном согласился Федор Леонидович и добавил.– И что мы тут торчим?

– Хочу попробовать еще раз взять СТН. Может в этот раз получится.

– Пробуй, пока они статуями застыли,– согласился Федор Леонидович и побрел неспешно вдоль стены, разглядывая

золотые слитки. Прикасаясь к ним кончиками пальцев он ворчал едва слышно:

– Кощеи, как есть Кощеи. Сидят на злате и чахнут.

– Не особенно-то и чахнут. Вполне выглядят упитанными и свеженькими,— возразил ему свистящим шепотом Михаил, пытаясь зацепиться пальцами за лежащий посреди стола прямоугольник СТН-а. Это ему, как и в прошлый раз не удалось и он, разочарованно вздохнув, отошел от стола.

– Пошли, Леонидович, домой. Надоел мне этот сон унылый.

– Не получилось опять?— посочувствовал ему Академик.

Ответить Михаил не успел, отвлекла распахнувшаяся входная дверь и появившееся новое действующее лицо.

Мужчина лет пятидесяти, мордатый с усиками "а-ля злодей" в тонкую ниточку, появился на пороге и заставил всех присутствующих повернуть лица в свою сторону. Росточком вот "злодей" несколько не вышел и при своих габаритах выглядел эдаким бильярдным шаром на коротких ножках. Но вот комплексами неполноценности этот субъект явно не страдал или переболел ими в сопливом детстве, так что физиономия у "шара" светилась самодовольством.

Подкатившись к столу, коротышка схватил с него СТН и заорал в него как в микрофон, посинев от натуги.

– Господа, это я пришел, ваш верный вассал и слуга, так сказать в одном лице – Фердинанд.

– Ого, начальник охраны кажется. Послушаем, что скажет

этот крендель,— Михаил подошел ближе к "кренделю", а тот замер в ожидании ответа от "сюзеренов".

— Видим тебя,— рявкнул Рерюф.— С чем явился? Надеемся, что на этот раз что-то позитивное наши уши услышат.

— Исключительно позитивное, господа,— затараторил "вас-сал".— Нам удалось разыскать полотерщика, исчезнувшего так внезапно. В Канаде спрятался, но от нас и мышь не спрячется, найдем в самом темном чулане и придушим.

— Не повезло парню,— посочувствовал Юсу Михаил.

— И что он поведал вам?— перебил словесный поток, полившийся из Фердинанда Рерюф.

— Не успел поведать. Он умер, господа. Умер за день до того, как мы его обнаружили. Зарезан в драке.

— Эксгумацию провели, я надеюсь?— опять перебил его Рерюф.

— Все сделали. Анализ ДНК, совпал на 100-о процентов. Нет сомнений — это он.

— Что еще?— Рерюф присел в кресло и все равно ему пришлось глядеть на стоящего Фердинанда сверху вниз. Коротышка ослабил галстук и повертев головой на жирной шее, продолжил доклад:

— Остальное все без изменений. По фигурантам из России, информация свежая отсутствует. Но мы задействовали все наши возможности. Там муха не пролетит незамеченной. Схватим и крылышки поотрываем.

— Какая глупая самоуверенность,— фыркнул Рерюф пре-

зрительно.— Нам не нужно чтобы вы проявляли вашу инициативу глупую. Достаточно уже облажались вы в России, когда предпринимали самостоятельные действия. Что там за киднепинг вы устроили с беготней и мордобоем? Гангстерских сериалов насмотрелись? Согласны, фантазии ваших кинематографистов впечатляют своим идиотизмом, но жизнь реальная имеет свои приоритеты, зарубите это на своем носу и впредь согласовывайте с нами каждый ваш шаг, если не хотите остаться голым и нищим,— зашипел Рерюф прямо в темя стоящему Фердинанду и тот слегка побледнев, поспешно закивал.

— Всенепременно будем ставить вас в известность, господа. Это не моя вина. Это низовые исполнители нагородили, проявляя инициативу. Человеческий фактор, господа, он непредсказуем. Особенно в этой России. Там иногда люди ведут себя странно. Обычные — во всем мире, ведут себя рационально. У них всему своя цена и место, а у этих нет такой четкой шкалы, размытое тоталитаризмом сознание. Они даже называют себя не людьми, а совками, господа. Это такой инструмент, которым дворник собирает мусор. Невозможно работать, господа.

— Нас мало интересуют инструменты для уборки мусора, Фердинанд,— опять прервал словесный поток Рерюф.— Идите и работайте. Работайте, а не просиживайте в борделях. Да, да мы знаем, где вы проводите свободное от службы время.

— Наваety. Клянусь всеми святыми,— взвыл, покраснев от

возмущения Фердинанд.— Кто вам донес на меня, господа? Назовите имя и я с удовольствием сначала плюну в его лживую физиономию, а потом вышвырну с работы.

— Ни кто нам на вас не доносил, ваши пороки написаны у вас на лице. Взгляните в зеркало. Карты, женщины и алкоголь. Вот что на нем написано,— презрительно каркнул Рерюф.— Прекратите немедленно этот образ жизни. Мы приказываем. Никакого алкоголя, женщин и азартных игр. Они погубят вас и наше дело.

— Понял. Клянусь, что изменюсь,— покорно склонил голову Фердинанд, запунцовев.

— Идите,— Рерюф встал и хлопнул рукой Фердинанда по плечу. Рука, разумеется, проскочила сквозь тело начальника службы безопасности, но он все равно не заметил этого, поворачиваясь и бормоча прощальные слова.

— Оставь прибор, кретин,— гаркнул ему в спину Рерюф и Фердинанд вздрогнув, повернулся с виноватым выражением на круглом лице.

— Виноват, машинально. Прошу простить, господа,— положив прибор на место "вассал" выкатился из "логова", аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Не сменить ли нам его?— задумчиво произнес Рерюф, опять начавший вышагивать за спинами коллег.

— Да они все одинаковые. Время жаль терять. Пока этого уберут, пока следующего в курс дела введем и ведь еще нужно подобрать такого, который может входить с нами в кон-

такт. Не рационально,— решил судьбу Фердинанда Нелуг.

— Ты прав. Пусть живет и работает,— согласился Рерюф.

— Пошли, Леонидович, хочу пошурудить в извилинах этого Фердинанда — бабника и картежника. Вдруг что-то свеженькое обнаружиться. Не на самом последнем месте парень тут пристроился,— Михаил взял Академика за плечи и шагнул сквозь дверное полотно.

Фердинанд общался с полотером Гансом. Заложив руки за спину он устался на работягу снизу вверх и цедил, сквозь растянутые презрительно губы:

— Ты должен молиться на своего братца, который уговорил меня принять тебя сюда работать. Сначала на меня, а потом на него. А потом, кому хочешь, молись. Понял?

— Так точно,— Ганс вытянулся, как солдат срочник на плацу и "ел глазами начальство". Взгляд был преданным, как полагается с обожанием и Фердинанд самодовольно похлопал ладошкой по полотерному агрегату.

— Чтобы ни пылинки мне тут. Понял?

— Так точно,— опять рывкнул Ганс, вытаращивая от усердия глаза еще преданнее.

— Сам проверю. В каждом углу — учти. Я не потерплю грязь и пыль. Понял?

— Так точно,— Ганс от усердия даже взопрел и пот крупными каплями покрыл его лоб.

— До тебя тут один мерзавец работал. Звали мерзавца Юсом. Хочешь узнать, как мерзавец кончил свои дни?

– Так точно!– похоже, что эти два слова у Ганса в извилинах закрепились намертво.

– Он сдох, как собака в Канаде. Вздумал скрыться там от меня, но я и мышь найду в самом темном чулане. Понял?

Ганс опять выдал дежурную фразу и Фердинанд одобрительно на него взглянув на прощанье, вальяжной походкой направился к выходу.

– Скотина,– прошипел ему в спину едва слышно Ганс, включая полотер.

Михаил, услышавший эпитет, которым он наградил свое начальство, заинтересованно остановился рядом и просканировав мозги рабочего, удивленно приподнял брови. Парень оказался не так прост, как выглядел. И амбиций ему было не занимать даже у предыдущего полотерщика Юса, печально помянутого. Парень мечтал о карьере. Мечтал стать большим начальником. И чтобы вот такие "скоты как этот пузырь" гнули перед ним спины.

И радости особенной от вновь приобретенной работы он не испытывал, рассматривая ее как очередную ступеньку, дающую возможность подняться по социальной лестнице. Ступенек этих впереди, перед мысленным взором Ганса было столько, что последняя скрывалась где-то за облаками, но он верил, что рано или поздно, но победно по ним прошагает, сшибая по пути всех кто попробует ему помешать. Ганс упрямо прижал подбородок к груди и полотер описав дугу, поплыл в обратную сторону.

– Однако,— Михаил ускорил шаги и едва успел догнать Фердинанда у дверей ведущих наружу. Федор Леонидович спешил следом, стараясь не отставать.

Пройдя все уровни охраны, Фердинанд направился к автомобильной стоянке и уселся в "Феррари" оранжевого цвета.

Михаил с Академиком устроились сзади, и машина рванула с места. Водителем Фердинанд был, по-видимому, со стажем и за окнами замелькал ландшафт с такой скоростью, что даже Михаил присвистнул:

– Лихач.

– Такие долго не живут,— осуждающе произнес Федор Леонидович.— Ни когда не понимал эту маниакальную потребность нестись сломя голову.

– Этот, как видите, из везунчиков. Живет уже достаточно долго. Вон, какую рожу наел. И автомобиль обязывает, Леонидович. Плестись черепахой на таком аппарате просто грех. Это же спортивная машина. И потом у нее есть подушка безопасности. Да он и сам колобок, так что при лобовом столкновении выживет наверняка. А деньги парень уже давно не считает. Знаете, какой у него оклад в месяц?

– Какой же?

– Два миллиона евро получает.

– Это за что же?

– За секретность, ответственность и т.д. и т.п.,— пожал плечами Михаил.

– И при этом он бабник и картежник? Что-то не сходится здесь. Ответственность и секретность с этими качествами как-то не совместимы. Или я уже что-то не понимаю в реалиях нынешних?

– Не такой уж он и бабник. Есть у него пара девиц на подхвате, проверенных. А в азартные игры вообще играет редко, с азартом. Без азарта швырнет десяток другой фишек и в зависимости от результата завязывает. У него лимит. Не более тысячи евро в день. И при его двух миллионном жаловании – это сущие гроши. Расчетлив.

– Ты ка посмотри, а ведь не скажешь. Что же на него тогда этот Рерюф "бочку покатыл", как выразился бы сейчас Сергей Алексеевич?

– Донесли, преувеличив. Рерюф про зеркало ляпнул, чтобы доносчика прикрыть. Стучат, Леонидович, друг на друга в руководстве концерна.

Феррари мчался по автобану под грохот музыки из колонок. Громкость Фердинанд врубил максимальную и Михаил с Федором Леонидовичем морщились от визга, заполнившего салон.

– Чтонибудь можно сделать, чтобы эта шарманка слегка потише орала?– крикнул Академик в ухо Михаила и тот пожав плечами крикнул в ответ:

– Попробую, но все же мы во сне,– в ответ Федор Леонидович весело расхохотался и ущипнул себя за нос.

– Вполне нормально чувствую все, как в реальной жизни,–

закричал он в ответ в наступившей внезапно тишине.

От его крика вздрогнул даже Фердинанд, но потом раздавшийся вопль за спиной отнес к последнему визгу из динамиков и принялся тыкать пальцами в магнитолу, которая, похоже "сдохла" неожиданно и лишила его возможности наслаждаться музыкой.

– Черт бы подрал эту электронику,– проворчал Фердинанд, ковыряясь в багажнике. Похоже, что он собрался заняться ремонтом магнитолы не откладывая это дело на потом для сервисной службы. Выудив длинную отвертку, Фердинанд сунул ее в зазор между панелью и корпусом, и принялся шурудить там так ожесточенно, будто пытался лишить жизни ту самую мышь, о которой все время любил повторять. С треском что-то порвав в утробе магнитолы он, наконец, успокоился, плюнул в окно с досадой и швырнув отвертку в багажник, проворчал сварливым голосом:

– Я этих электронщиков в бараний рог согну. Поставят новую. Неделю не проработала. Это сервис? Это их хваленое качество?

– Дерьмовая электроника,– согласился Михаил.– Деньги дерут, а за что?

– А я о чем?– возмущенно заорал Фердинанд.– Негодяи. Они не понимают, кого обслужили. Я их там всех в их центре поставлю в одну интересную позицию.

– Правильно,– поддакнул Михаил.– Спустишь раз, спустишь такое два и, уважать перестанут.

– Меня? Меня тут все знают. Я босс,— Фердинанд втопил педаль газа до упора, выходя из очередного виража и автомобиль буквально прыгнул вперед, набирая ускорение.

– Интересно, на какую сумму застраховал жизнь сей лихач?— проворчал Федор Леонидович, которому даже во сне от этой скорости стало не по себе.

– На миллион евро оценил,— после минутной паузы ответил Михаил.

– Продешевил явно. На кого завешание оформил?— Федор Леонидович ерзал на заднем сидении, которое казалось ему жестким и неудобным.

– На супругу разумеется. У этого кренделя есть законная жена и даже двое детей уже взрослых есть. Примерный семьянин.

– Олух Царя Небесного,— проворчал Федор Леонидович.— Нельзя ли там пару шестерен каких-нибудь в негодность привести, чтобы мог ехать со скоростью приемлемой. У меня уже морская болезнь того и гляди начнется.

– Да с чего ей начаться-то, Леонидович? Дорога как стеклышко. Амортизаторы отменные.

– От мельтешения за окнами. Что это за езда вообще? Не успеваешь рассмотреть мимо чего проезжаешь,— Федор Леонидович покрутил головой и закрыв глаза, откинулся на спинку.

– Я попробую,— Михаил напрягся, и Феррари начал сбавлять скорость. После двухсот в час, снижение до ста кило-

метров, произвело на Академика впечатление самое благоприятное. Он удовлетворенно констатировал:

– Совсем другое дело. А то мельтешение сплошное за окном. Пейзаж рассмотреть не успеваешь.

На Фердинанда упавшая скорость произвела впечатление противоположное. Он удивленно уставился на автоматическую коробку передач, зафиксировавшуюся в диапазоне ста км/ч и не реагирующую на педаль газа.

– Черт, черт, черт, – врезал Фердинанд с досадой по рулевой колонке ладонями. – Сначала магнитола, теперь это. Что следующее? Осталось только колесам отвалиться или проколаться и тогда полный комплект гадостей на мою голову. Ну, держитесь! Доберусь я до вас! – рычал Фердинанд, пытаясь сдвинуть рукоять коробки с места. Он даже постучал по ней кулаком, но проклятый рычаг работал только на понижение скорости и нагло игнорировал увеличение.

– Хорошую идею насчет колес озвучил сей полоумный гонщик, – Федор Леонидович подтолкнул под локоть Михаила и тот удивленно взглянул на него.

– Нет, Леонидович. И пробовать не стану. Если колеса лопнут, то авария гарантирована. ДТП. Оно нам надо? Мы-то вернемся домой при любом раскладе, а вот Фердинанду мало не покажется даже на ста километрах в час. И подушка может не спасти, кувыркнется автомобиль и возможно, что взорвется при этом. Он хоть и полоумный, но все же делать его супругу вдовой раньше времени, даже с призом в мил-

лион евро, мне что-то не хочется.

– Да, да конечно. Я об этом как-то и не подумал. Простите покорнейше. Пусть живет себе. Он и без нас свернет себе шею при такой манере езды. Или разочарует "шестерку" в конце концов, и свернут ему шею по их распоряжению,— согласился Академик. Феррари тем временем тащился по автобану с черепашьей скоростью, приводя в бешенство своего владельца.

– Это Феррари или Фольксваген 50-го года выпуска? Вы у меня эту коробку языками вылизайте,— пообещал он кому-то, сворачивая с автобана на право.— Наконец-то доехал,— Фердинанд посигналил, остановившись у ворот, выкрашенных в такой же оранжевый цвет, как и его авто и они медленно поползли, распадаясь на две створки, в разные стороны.

– Спишь на работе?— сделал замечание охраннику, выскочившему из караулки Фердинанд, высунув голову из салона.

– Уволю без выходного пособия, за халатное отношение к своим обязанностям. Будешь в супермаркете вышибалой служить. Почему я должен ждать?

– Прошу прощения, сэр,— охранник, в черной униформе и лихо заломленном берете, так же черном, с какой-то эмблемкой на нем, вытянулся и выпучил глаза.

– Чего вылупился? Закрывай, я уже здесь!— Фердинанд тронул автомобиль с места и проехав по короткой аллейке, припарковал Феррари у помпезного крыльца с лежащими у его нижней ступени по обе стороны львами.

Львы были мраморными, со слепыми глазами и разинутыми пастьми. Зверюги явно были гордостью хозяина, потому что даже будучи явно не в самом благодушном расположении духа он все же проходя мимо, погладил ближайшего от него мраморного хищника ладонью по оскаленной морде.

— Приехали, очевидно, к нему домой. И что мы тут можем узнать такого, из-за чего стоило мчаться с бешеной скоростью?— поинтересовался Федор Леонидович, выбираясь из салона.

— Пожалуй, что ничего эдакого. Окрестности осмотрели. Но это особенно нам и не требовалось. Спутниковые снимки местности у нас уже есть, а завтра я сюда Филю отправлю. Пусть пошныряет часок другой, запишет все в подробностях с птичьего полета.

— Возвращаемся?— оживился Академик, которому этот сон уже порядком надоел.— Убедился, Петрович, что не морок это "лежбище"?

— Если морок, то мы полные лохи, Леонидович. А они супермаги. Вас я, пожалуй, отпущу, можете по набережной Невы пройтись пока, а сам пройдуся по вилле этого Фердинанда. Взгляну, как живут сильные мира сего,— Михаил "щелкнул перстами" отправляя Академика в Питер и не спеша двинулся следом за Фердинандом мимо мраморных львов.

Домик себе Начальник Безопасности Х666Х выстроил, или уже готовый приобрел, в три этажа и явно возомнив

себя человеком как минимум королевских кровей, проект выбрал в немыслимо перемешанных разных архитектурных стилях. Эдакий архитектурный коктейль из хай-тека, ампира и брутализма в итоге представляли взору помесь замка века 15-го со стеклом в рельсовых кружевах и свисающих там и сям с площадок выющихся буйно растений, что-то из джунглей Южной Америки, прижившееся, адаптировавшееся и ползущее по серым, выщербленным стенам. За стеклами, тонированными в разные цвета, так же просматривалась буйная зелень с лопухастыми резными листьями, очевидно, коктейль из стилей имел место и внутри особняка. Назвать дом трехэтажным, рассматривая его снаружи, можно было только условно, исходя из высоты здания, а на самом деле этажи как таковые не просматривались четко, разбежавшись стеклянными ярусами с разными конфигурациями проемов. Похоже, что проектировщики поставили перед собой цель не повториться ни разу, планируя геометрию проемов и это им удалось в полной мере.

– Ну, наворочали,– удивился фантазии строителей Михаил, следуя за Фердинандом по мраморным ступеням и оглядывая строение. Дверь входная, в помесь замка с железнодорожным вокзалом, предупредительно распахнулась навстречу хозяину и выскочивший служащий, согнулся в приветственном поклоне. Привратник выглядел, пожалуй, еще фантастичнее, чем дом, в котором он служил. Это был негр с цветом кожи, в местах не прикрытой одеждой, такой гута-

линовой добротности, что Михаил невольно на него загляделся. Впечатляла и ливрея привратника. Сшитая из парчи, она расшита была явно на заказ вручную золотом и здесь уже буйная фантазия дизайнеров портняжек вволю порезвилась. Выдав помесь костюма пажа времен Людовика XIV-го, с боевым костюмом конкистадора. Кираса на голове отливала золотом и сочеталась с оливковым цветом кожи привратника весьма экстравагантно. Молодой парень, лет двадцати, сверкал зубами и белками глаз, согнувшись в поклоне таком же нелепом, как и его наряд. Руки растопырил и отклячил одну ногу в сторону. Получилось забавно и Михаил улыбнулся, проходя мимо чернокожего верзилы.

– Госпожа дома, Магомет?– задал привратнику вопрос Фердинанд и тот, на вполне приличном, немецком, доложил, что госпожа отбыла четверть часа назад на скачки.

– В ее возрасте только и скакать,– процедил сквозь зубы Фердинанд, остановившись в холле и мрачно уставившись на себя в огромное овальное зеркало, стоящее почему-то прямо в его центре. Достав мобильный телефон и ткнув в него несколько раз пальцем он связался, очевидно, с хозяйкой поместья, потому что произнес следующую фразу:

– Дорогая, я уже дома. Ты опять вернешься под утро? Что-о-о-о-о-о-о? Как хочешь. Я сказал, что поступай, как тебе заблагорассудится, но чтобы парни все время были рядом. Что-о-о-о-о-о? И там тоже! Я? Я – другое дело. У меня здесь все под контролем в радиусе пятидесяти миль. Даже мышь

в чулане не спрячется. Мышь говорю. Да, та самая. Целую!— Фердинанд щелкнул крышкой мобильного и сунул его в чехол на пояском ремне.

— Магомет, где все? Где дворецкий, где горничные, где этот бездельник Адольф?

— Господин дворецкий отбыл в мэрию по делам связанным с вашей недвижимостью, Хозяин. Прислуга занята уборкой, а ваш сын Адольф в гараже. Что-то опять мастерит,— Магомет оскалился в белоснежной улыбке и Фердинанд взглянув на его зубы с завистью, забрюзжал:

— Что этот лоботряс может смастерить? Перпетуум-мобиле опять собирает? В прошлое испытание чуть гараж не сгорел. Рядом с ним нужно установить круглосуточное дежурство. Пожарников с топорами и огнетушителями. И в кого он такой? В нашем роду все люди отличаются здравомыслием, а этот...— Фердинанд махнул рукой.

— Ваш сын очень смысленный парень, Хозяин. Он изобретатель. Посмотрите на мою железную шапку, была вся ржавая, а ваш сын покрыл ее золотом и теперь я готов спать в ней. Такая красивая, Хозяин,— Магомет погладил свой головной убор ласково, как кошку, а Фердинанд захекекал снисходительно.

— Золото, хе-хе-хе. Ты когда-нибудь видел золото, Магомет?

— Видел,— утвердительно кивнул привратник.— В телевизоре. Там гангстеры его воруют каждый день и потом их обя-

зательно убивают полицейские. Золото красть нельзя, Хозяин, за это могут застрелить.

— Правильно, нельзя. Работай честно, Магомет, разбогатеешь как я и, у тебя будет много золота. Я тоже когда-то был небогат, Магомет,— похоже, что Фердинанд впал в ностальгию по босоному, нищему детству.

— Да, Хозяин. Я честный человек. Я так рад, что работаю в вашем доме.

— И я рад, что ты честный человек,— Фердинанд потрепал привратника по черной щеке, привстав для этого на цыпочки.— Распорядись-ка, чтобы подавали ужин. Проголодался я что-то сегодня и загони авто в гараж. Передай Адольфу, что сегодня мы ужинаем с ним вдвоем. Пусть изволит не опаздывать к столу.

— Слушаюсь, Хозяин,— негр помчался через холл, очевидно, на кухню и появился снова через пять секунд. Парень привык выполнять распоряжения хозяев бегом, и Фердинанд расплылся в самодовольной улыбке. Теперь зеркало отражало колобка с растянутыми до ушей губами.

Михаил зевнул и, уже собрался было покинуть надоевшего ему Начальника безопасности, но тут появилось новое действующее лицо. Очевидно Адольф "лоботряс и бездельник". Парень явно был не в папочку, по крайней мере, ростом почти не уступал привратнику Магомету и в плечах тоже. Здоровый такой малый, с габаритами портового грузчика.

– А-а-а – это ты бездельник?– обрадовался Фердинанд появлению сына.

– Отчего же бездельник? Я работаю, отец, и вам это прекрасно известно,– возразил Адольф, сразу ощетинившись.– Его короткая стрижка, торчала взлохмаченная в разные стороны и, похож он стал в этот момент на киношного тинэйджера, прыщавого и наглого.

– Рабо-о-о-отаешь? Ты окончил университет три года назад и нигде больше месяца не задерживаешься. Тебя постоянно что-то не устраивает на тех предприятиях, на которые я тебя проталкиваю. Разумеется, сидеть на моей шее, вот на этой, свесив ноги тебе куда как выгоднее, чем ходить каждый день на службу,– Фердинанд постучал себя ребром ладони по загривку. Там, где у него должна была быть шея, но шеи как таковой у него не было, слилась со спиной, которая плавно переходила в затылок и хлопок пришелся именно по нему.– Учти, не возьмешься за ум, лишу карманных денег,– Фердинанд запыхтел рассерженным носорогом и набычился:

– Это деньги? Ваших жалких подачек мне не хватает даже на сигареты. Обойдусь!– Адольф и не думал поднимать вверх руки и капитулировать.

– Три тысячи евро на сигареты? Какие сигареты ты куришь, сынок?– буквально вызверился в ответ Фердинанд.

– А бензин, а необходимые мне для работы инструменты и комплектующие? И на все жалкие три тысячи?– Адольф закипал так же быстро, как и папаша, в этом их сходство бы-

ло, несомненно.— Хорошо, что мама подбрасывает еще некоторую сумму.

— Что-о-о-о? Я ей запретил это делать! Спроси у своей матери, где она их берет, мальчишка, щенок неблагодарный.

Ты молиться на меня должен, прохвост. Сначала на меня, а потом кому хочешь.

— Я должен на вас молиться?— Адольф повернулся и вышел вон. Обернувшись на пороге, он на прощание коротко бросил:

— Не дождетесь!

— В кого такой мерзавец, негодяй, просто подонок?— схватился за голову Фердинанд.— Овца паршивая в стаде. Погоди уже у меня, я устрою тебе веселую жизнь, недоносок. На коленях приползешь, прощения просить станешь. Я заставлю тебя уважать мнение старших,— проблема отцов и детей захлестнула Фердинанда, погрузив его в себя с головой. Зазволивший телефон отодвинул проблему неприятия поколений, напомнив Фердинанду, что есть и другие столь же неприятные.

— Здесь Фердинанд,— просипел хозяин поместья, сдерживая переполнявший его утробу гнев на непослушного отпрыска.

— Есть. Понял. Буду через...— Фердинанд бросил взгляд на часы...— через полчаса. Извините, что-то с авто. Быстрее не смогу. Выехал.— Фердинанд прервал связь и заорал на привратника:

– Машину к крыльцу, бего-о-о-о-м!– от этого вопля бедного Магомета буквально вышвырнуло из холла и, через десять секунд Феррари уже урчал у ступенек.

Фердинанд втиснулся за руль и газанул так, что из-под задних колес поднялись клубы дыма от сгоревших скатов.

Михаил, решивший прокатиться вместе с ним, едва успел запрыгнуть в салон и теперь сканировал мозги начальника безопасности, чтобы выяснить, куда он помчался так срочно кем-то вызванный.

– Это оказался не Юс. Прохвост провел нас. Купил экспертов. Мерзавец,– бормотал себе под нос Фердинанд, вцепившись в руль. Ворота на этот раз разъехали так своевременно, что не пришлось даже притормаживать и Феррари вырвался за них, набирая ускорение. Коробка-автомат "глючить" прекратила и Фердинанд выжимал из двигателя максимум, на что тот был способен.

– Прав Леонидович, своей смертью ты не умрешь. Значит, Юс все же вас обставил? Рад за парня. А сейчас, стало быть, тебе будут холку мылить за хреновую работу. Присутствовать при этом, откровенно говоря, у меня желания нет. Так что до встречи, Фердинанд. Обязательно увидимся уже на этой неделе.

А начальник службы безопасности мычал что-то нечленораздельное и забыв о том, что магнитола не работает, принялся тыкать в нее пальцем-сарделькой. Музыка с визгом воорвалась в салон, и Михаил поспешил обратиться из этого су-

маспедшого сна.

Глава 3

Проснувшись у себя в гостиной, Михаил взглянул на мирно посапывающего во сне Федора Леонидовича, которому, судя по улыбке на губах, снилось что-то хорошее, и решил не будить его, укрыв пледом.

Утром за завтраком собравшиеся у него в доме "концессионеры", выслушали доклад о последнем вояже во сне и приняли решение не откладывать "разборки" с "шестеркой", приступив к последней операции, /как они думали/ немедленно.

– Сегодня же отправляться нужно,– решительно заявил Петр Павлович.– Пока они опять не переместились. Ищи свищи потом ветра в поле.

– Ни куда они не переместятся. И мы можем откладывать "разборки" сколько угодно долго. Там дата не меняется, пока мы здесь,– напомнил Михаил особенности временных чудес.– Просто детишки подрастают и когда явятся в свое время, то сверстники их не узнают. Вопросы начнут задавать неудобоваримые. Ни к чему привлекать внимание публики. Или в другие школы придется переводить. А это опять беготня и неудобства. У нас школа в двух шагах от дома. Да и соседи спрашивать будут, что за чудеса с подростками происходят. Короче, отсиживаться здесь в безопасности хватит. У нас теперь есть преимущество информационное. Нужно

им воспользоваться грамотно и поставить жирную точку во всей этой беготне за СТН-ами. Предлагаю завтра с утра и отправиться. За день с "шестеркой", я думаю, разберемся и послезавтра можно будет возвращаться семьям в 21-ый век.

– Вшестером отправимся?– Петр Павлович вопросительно взглянул на сына.

– Ну, решили же уже. Я против, но раз вам всем так хочется все своими глазами увидеть, то, что я могу поделаться? Смирюсь.

– В каком виде заявимся?– спросил Силиверстович.– Может опять на паре танков? Раскатаем эту виллу на молекулы траками.

– Ну-у-у, дедуль, ты прямо террористом на старости лет становишься. По-тихому же решили, чтобы никто ничего не успел понять. Без лишних шума и пыли. Туристами какими-нибудь давайте. Документы я сегодня нужные подготавлию. Ксивы,– Сергей укоризненно взглянул на деда и тот крикнув, уткнулся носом в кружку с чаем.

– Ксивы, конечно, делай. Вдруг понадобятся, а вот насчет экипировки... Думаю, что не туристами мы туда заявимся, а в комбезах и ночью. Так что обтяпаем все за часок и домой. Постараемся выйти, как можно ближе к объекту. Еще посмотрим сегодня результаты Филиных съемок и окончательно тогда определим точку высадки,– Михаил вывел на дисплей мобильного спутниковую карту местности в окрестностях Баден-Бадена и принялся изучать ее, увеличивая по-

следовательно квадраты.— Очень сложный ландшафт и аномалии здесь пятнами, как на леопардовой шкуре. Частично накрыт объект. И они барражируют непредсказуемо. Странное место выбрано на этот раз "шестеркой". В других временах они норовили спрятаться именно в аномальной дыре. Это несколько обескураживает и наводит на некоторые размышления.

— Например?— Петр Павлович озвучил вопрос, застывший в глазах у всех присутствующих.

— Например, что эти господа имеют теперь надобность в безаномальном пребывании. Собирают энергию. Аккумулируют и могут использовать. И потом, мы предполагали, что они смогут уже подсеяться в тела и опыт успешный такой имели удовольствие наблюдать. Нелуга в теле кобры. Что помешало им влезть в человеческую тушку? Может именно нехватка М.Э?

— Ты думаешь, что у них есть браслеты?— уточнил Сергей.

— Возможно. Думаешь, все эти годы они ворон раскрыв рты считали? Развили бурную деятельность по поиску артефактов. А они могли быть обнаружены где угодно. В музеях, в частных коллекциях. И приобретены у бывших владельцев за любые деньги. Для них финансы не проблема. Просто изъять, тоже не проблема. И что-то они, разумеется, заполучили. Минимум — браслеты. Из снаряжения вряд ли им удалось получить что-то в пригодном состоянии. Если просто найдено археологами в грунте, то сохранность за тысячелетия, са-

мо собой, никакая. Тут можно быть абсолютно спокойными. А вот браслетик, что ему делается? Десятки тысяч лет пролежать может и разве что грязью покроется. Соскоблить не проблема, даже закаменевшую.

– И какими сюрпризами это для нас чревато,– обеспокоенно нахмурился Федор Леонидович.

– Чревато магическими атаками. Те же шаровые молнии. Они могут пробить "Завесы" и нанести увечья. Да и летальный исход вполне вероятен. Вот поэтому я и против того, чтобы отправляться туда всем сразу.

– Так и у нас есть браслеты. И не в пример ихним, очищенным от закаменевшей грязи – новехонькие. Можем одеть хоть по десятку,– возразил Сергей.

– Что толку, если вы не умеете ими пользоваться? "Шестерка" обучалась и совершенствовала магические умения всю жизнь. Родилась с этими умениями. В крови у них это. Понимаешь? А вы?

– Что мы?– не понял Сергей.– Уточни.

– Уточняю. Все вы видели фильмы допотопные, в которых применяется боевая магия и там есть эпизоды, как нападения, так и обороны. Кто-нибудь из вас имеет представление что это такое?

– Я наблатыкался шарики швырять. Вполне прилично,– подал опять голос Сергей.

– "Наблатыкался" он. А отражать шарики "наблатыкался"?

– А их что, можно отражать?– удивился Сергей.

– Разумеется. Это целая наука. И в ней мы, по сравнению с "шестеркой", как детсадовец в сравнении со студентом последнего курса Универа. А они ждут нападения, готовились. И мне кажется, они даже специально допускали утечку информации, чтобы заманить нас в свое "логово". Вся эта глупая возня с киднепингом, ни что иное, как хорошо спланированная акция, чтобы заставить нас заявиться. Вот мы и появимся на их территории. А на своем поле играть всегда легче.

– Отчего же тогда Рерюф так беспокоился и даже склонялся к тому, что пора менять место их дислокации?

– Хорошо разыгранная сцена, в расчете, что "уши" рядом наши. Прикидываются напуганными и слабость демонстрируют. Блефуют короче.

– Не слишком ли ты накрутил тут зауми?– возразил Сергей.– Если они такие хитромудрые, почему раньше не шевелились? Лет двадцать назад? Пока мы на болоте эту хрень не откопали? После войны все преимущества были на их стороне, вплоть до девяностых годов прошлого века. Чего же не чесались?

– Не знаю. Могу только предположить, что что-то им мешало и очень активно. Вплоть до девяностых годов сдерживало. А может они попали в конце войны Второй Мировой, в условия не подходящие и не могли войти в контакт долго с сильными мира сего. Тот же Нелуг. Помнишь, что я с ним

сделал?

– Уменьшил до червяка и в футляр от шприца засунул. Интересно сколько он там прожил?– заулыбался Сергей.

– Может и остальным так же не повезло?

– Все в червяках?– засмеялся Сергей.– Тогда бы мы помнили про такое.

– А может, еще вспомним?– в отличие от Сергея Михаилу было не смешно.

– Что ты этим хочешь сказать? Опять в эсэсовскую школу влезать придется? Ну, знаешь!!! Разнесем завтра к чертовой матери эту виллу вместе с золотым бункером. Разломаем СТН и забудем, как страшный сон про эту поганую "шестерку",– Сергей буквально закипел от возмущения.– Миха, прекрати наворачивать фэнтэзи. Я уже устал болтаться по фронтам.

– Хорошо бы. Постараемся завтра разобраться окончательно. Только я не "фэнтэзи наворачиваю", а пытаюсь проанализировать те не состыковки, которые имеют место в поведении противника. Прав Леонидович, наша беда исконно русская в недооценке врага и переоценке собственных сил. Шапками привыкли закидывать и на авось все. Так или иначе, но намеченную операцию осуществляем завтра. А уж как выйдет, время покажет. Сегодняшний день отводим на окончательную подготовку снаряжения. Нам еще предстоит выждать в 21-ом в мазаришарифке часов десять, чтобы не сидеть в Альпах в неудобствах и рискуя быть обнаруженными.

ми преждевременно. Фердинанд ясно сказал, что в радиусе пятидесяти миль у него мышь не проскочит. Эти десять часов посвятим боевой магии. Я полистал тут кое-что из допотопного материала. Занятные вещи обнаружил. Например, человека магически можно убить не сразу, а с рассрочкой что ли. Назначается число, и наносится удар. Объект воздействия ни сном, ни духом, а в назначенное время ему на голову падает что-нибудь тяжелое и привет.

– Арбуз, например, или три за день,– рассмеялся Сергей, вспомнив их совместный бизнес в "лихих девяностых".

– Тебя что-то сегодня на веселье пробило, Серега. Отнесись ко всему, что я говорю, серьезно, очень тебя прошу. Если что-то не дай Бог случится, то, как я буду потом в глаза Аннушке смотреть. Об этом подумай.

– Да я серьезен, как никогда, Миха, что за менторский тон? Занудой становишься. Это хреновый признак. Старей, брат.

– Лучше быть занудой, чем другом скоропостижно усопшего раба Божия. Угадай кого?

– Ну, это мы еще посмотрим, кто усопнет из нас первым. Точно не я. Я, прежде чем что-то делать, сажусь и думаю, как китайцы в Вене говорят.

– Ты-то да-а-а-а. А потом скачешь архаром, сломя голову и шею сворачиваешь,– подковырнул Сергея Михаил.– Возись потом с тобой обломом. Лечи.

– Тебе вломоту "перстами щелкнуть", для лучшего друга,

Светозарный?

– Мне не вломоту. Я боюсь, что в 21-ом щелкнуть могу не успеть,— признался Михаил.

– Хлеборезкой не щелкай и все будет нормально, Миха. Обещаю, что буду предельно серьезен.

– И прежде чем скакать козлом, слушать, что тебе я говорю?

– Обещаю,— скривился Сергей.

– А что это выражение у тебя не радостное на физиономии, как на приеме у дантиста? Всех, кстати, касается. Устанавливаю жесткую диктатуру свою на весь завтрашний день. Выполнять беспрекословно и немедленно любую мою команду, даже самую нелепую. Может так случиться, что времени на объяснения у меня не будет. Материте, но выполняйте. Иначе уйду один.

– Согласны, Петрович,— прогудел Силиверстович. – Ты нам завтра навроде отца родного будешь, а мы навроде твои дети. Скомандуешь, к примеру, выпороть Серегу Алексеича и я, хоть и без особой охоты, но выпорю. Вот те крест. И любой также.

– А что это за примеры у тебя, дедуль, все какого-то в мой адрес оскорбительного свойства?— обиделся Сергей.— И почему всенепременно меня пороть нужда возникнет?

– Чтобы не скакал козлом, к примеру, Сергей Алексеич,— похлопал его ласково по плечу Силиверстович.— Ты поскачешь, а мы тут как тут и, команду нелепую Михаила выпол-

ним. Не обессудь ежели что.

– Если скомандую, то да,– утвердительно кивнул Михаил.– Я потом объясню зачем. А раз команда поступила, то выполнять без рассуждений о последствиях и причинах оной. Понятно изложил?

– Куда как не понятно,– обиженным голосом произнес Сергей.– На мне, как на живом примере, значит, да еще козлом походя раз пять тут обозвали.

– Все, тема закрыта. Как только оказываемся в непосредственной близости от объекта, никаких рассуждений и обсуждений. Система общения – я командую, остальные мгновенно выполняют. Скомандую стрелять друг в друга из "Осп" – выполнять.

– Вот так даже?– не смог промолчать теперь уже и Петр Павлович.– А ты не слишком ли нагнетаешь, сынок? Как же я стану стрелять в своих? И кто станет?

– Все станут. Если я скомандовал, значит, к примеру ты это не ты. Поверь, что слепить двойника магического "шестерке" проще пареной репы, если у них есть хотя бы один браслет в наличии. Я увижу, а вот вы сомневаюсь. Поэтому выполнять немедленно. Без рассуждений. Неужто ты думаешь, батюшка, что я способен в здравом уме отдать такую команду на убийство кого-то из вас? Если сейчас засомневались, то, как же тогда там действовать? Там возможно, что и секунды не будет лишней на проверку вам, прав я или нет. Промедлите и получите чем-нибудь убойным. Я этого не хо-

чу. Теперь понятно?

– Так бы сразу и сказал,— проворчал Петр Павлович.— Что двойник. Что за манера загадками и недомолвками изъясняться?

– Завтра целый день у нас будет на то, чтобы недомолвок и загадок стало, как можно меньше,— пообещал Михаил.

– Осваивать левитацию придется так же. Мне не понравилось происшествие с Сергеем в Италии. Не летать, но хоть зависать научиться. Это легко.

– Говорить и советовать легко,— буркнул Сергей едва слышно себе под нос, но Михаил услышал и покосился на него с укоризной.

– Тобой индивидуально займусь. Буду лично тренировать.

– Как это?— опешил Сергей.

– Обыкновенно. Буду поднимать к потолку и сбрасывать, пока летать не научишься.

– Спаси-и-ибо. Я знал, что ты добрый, но не знал что настолько. Хочешь, значит, чтобы я мослы все в мазаришарифке еще переломал на этих тренировках?

– Да что тебе будет? В "Завесе"? Там потолки-то потолки. В самом высоком месте метров шесть всего,— отмахнулся от его возражений Михаил.— Потерпишь.

– Потерпи уж, Сергей Лексеич, душевно просим,— Силиверстович с удовольствием рассматривал обескураженное лицо внука.

– А вы напрасно, Силиверстович, ерничаете по поводу

"потерпи", вам тоже "потерпеть" завтра придется вместе со всеми. С живых не слезу, пока в воздухе не повиснете,— переревел взгляд с внука на деда Михаил.

— Тебе бы, сынок, фельдфебелем в царской армии служить,— проворчал Петр Павлович, не ожидавший от сына подобного рвения и требовательности.

— Тяжело в учении — легко в бою, как Суворов завещал. Фельдфебель из меня тот еще был бы, три шкуры спускать не умею, но одну завтра точно с вас со всех сдеру,— потер руки Михаил.— Готовьтесь.

— Ну, вот что за манера запугивать заранее?— простонал буквально Сергей с такой тоской, что все застолье не выдержав, расхохоталось.

— Это он мундир эсэсовца поносил и стал таким выпендристым,— горестно вздохнул Сергей.— А каким парнем был раньше. Пошлешь подальше и идет себе...

— Ты меня? Что-то не припоминаю я такого,— Михаил давился смехом, рассматривая обескураженную физиономию друга.

— Во-о-о-от! Даже не помнит. Такой был лапушка, хоть и Жуком почему-то все звали. Наверное имели в виду безобидность. Копошился потихоньку в своем агентстве магическом. Разводил лохов доверчивых на бабло и нам работенку подбрасывал. Весело было. Есть что вспомнить. Нет, полез в это болото поганское. Знал бы, что так выйдет, никогда бы в Федоровку не повез тогда. Эх, знать бы, где упасть...

Носимся вот теперь по временам этим, как в одно место ужаленные. У меня уже все в мозгах перепуталось. Сны опять же снятся совершенно безобразные. Вот вчера, например, то есть сегодня ночью. Вижу, будто бы я в мундире 1812-го года французском, ползу через минное поле где-то в средней полосе России, а пули с ядрами так и свистят. Глядь, а впереди конница на меня скачет татарская с этими, как их? С бунчуками. Саблями машут и орут,— "Гитлер капут",— Проснулся, весь мокрый от пота. Никогда так страшно не было.

— Это у тебя от нервного переутомления,— поставил диагноз Михаил.— Остаешься здесь, обойдемся без тебя, уговорил.

— Что-о-о? Кто уговаривал? Какое истощение?

— А что тогда? Если сны стали кошмарные сниться?

— Это от того, что я запутался во временах этих. Бывает, что проснусь, лежу и думаю,— "А где это я сейчас нахожусь?"

— Ну, а почему у тебя татары "Гитлер Капут" орут? Нет — это явно психика больна. К невропатологу нужно тебя сводить сначала. Пусть справку напишет. Без справки ни куда не пойдешь теперь,— продолжал подтрунивать над Сергеем Михаил.

— А что они должны по-твоему орать?— "Вперед к победе Коммунизма"?— В самый раз им злыдням орать про Гитлера. Тебя самого нужно к психотерапевту отвести, прогрессирующая мания величия так и поперла.

— Вместе сходим, давай. Я только с тобой за компанию

согласен. Один боюсь. Зашибу там кого-нибудь еще.

– Ага, без меня значит никак?

– Я бы и рад, но ты у меня вроде талисмана, который уже год. Опять же лезешь вперед и всякие гадости на свой хребет принимаешь. Как я без тебя?

– Вот какой же ты, Миха, гад все же, если твоим словам верить,— расхохотался теперь вместе со всеми и Сергей.

Глава 4

В мазаришарифку отправились на другой день сразу после обеда, пообещав домашним вернуться к ужину.

– Потерпи, солнышко, завтра можно будет опять в Питер вернуться. Соскучилась?– обнял на прощанье Аннушку Сергей.

– Мне везде ладно, где ты есть,– всхлипнула та в ответ, ткнувшись ему лбом в грудь.

– Опять слезы? Ну, что ты в самом деле? Будто на войну провожаешь.

– А куда же? Там ведь убить могут? Значит на войну. Слушайся Михаила. Не лезь, куда не велено. Помни о детишках.

– Да не лезу я ни куда. Сзади все время. Это Михаил лезет всегда вперед. Начальство потому что. А мне чего лезть? Все будет нормально. Напрасно волнуешься. И одежка у нас надежная, и оружие. Так что жди к ужину. Голодные вернемся.

– Почему раньше нельзя? Ваша машина ведь хоть через минуту вернуть может.

– Михаил говорит, что лучше соблюдать режим дня. Где-то он прав. Ну, что вот за возвращение через минуту? Только отобедали и опять за стол? А ты и соскучиться не успеешь.

– А ты думаешь, что мне это нужно? Соскучиваться?– всхлипнула опять Аннушка.

– Иногда нужно, чтобы не надоест друг другу,– попробо-

вал, "пробить" супругу Сергей.

– Ты мне? Может, я тебе надоедаю уже?– надула губки Аннушка.

– Нет, ты мне не надоедаешь, солнышко. Извини, ляпнул не подумав.

А Катюша и вовсе поставила Михаилу ультиматум, потребовав взять в этот раз с собой.

– Да ты что, мать?– растерялся Михаил.– Я же тогда буду все время думать, как бы с тобой чего не случилось и одним глазом в твою сторону смотреть. Даже не проси. Нет, нет и нет. Там будут стрелять, травить газом и я даже не могу представить, что там еще заготовлено этой "шестеркой. Поэтому и идем вшестером. Леонидовича и Силиверстовича я бы тоже оставил здесь, но они люди самостоятельные и запретить я им не могу. А ты мужняя жена, так что убоись, как в Библии сказано и жди дома с возвращением из похода. Пироги выпекай и что там положено. Короче, как в песне "накрой в избе широкий стол".

– Обузой буду? И кроме как пироги печь не пригодна более ни на что я у тебя?– нахмурилась Катюша.

– Сама рассуди... Там будешь обузой. Зачем ты там нужна? Разве мы не обойдемся без женщин? Обойдемся. Тогда зачем подвергать вас опасности? Любопытно тебе, как Леонидовичу собственными глазами взглянуть на "лежбище"? Поверь, ничего там особенного ты не увидишь. Дом и дом – в горном лесу. Можешь записи Филины просмотреть. Он

там везде пролез, только внутрь разве что не залетел. Жесткий контроль, даже для насекомых хитрые ловушки предусмотрены. Муха не пролетит.

– Боюсь я за тебя, Мишань, – у Катюши глаза тоже поплыли слезами.

– И ты решила бояться за меня непосредственно рядом со мной? Хорошая идея, но неосуществимая. Не настаивай. Обижусь, что считаешь слабаком, за которым догляд нужен.

– Я не с доглядом, Мишань, и обидеть тебя не хочу. Я люблю тебя и беспокоюсь.

– И я люблю. Поэтому жди дома. К ужину. Надеюсь, что к праздничному.

– Ты сомневаешься? – сразу услышала нотки неуверенности в голосе Михаила Катюша.

– Помнишь, как у нас говорят? "Надейся на лучшее, готовься к худшему".

– Они что же, еще и одолеть вас способны? – совсем всполошилась Катюша.

– Вот уж это никогда. А сбежать могут как-нибудь – наверняка. Эти маги, за те тысячи лет, что живут, огромный опыт конспиративный наработали и наверняка есть у них различные отходные маневры. На случай проигрыша. Победа всегда проста в своих последствиях. Что делать в результате всегда понятно, а вот поражение всегда непредсказуемо и заготовок должно быть очень много. Сдаваться они не собираются. Нам – это точно. Мы для них – смерть окончательная.

В пирамиде шуршали манипуляторами по полу "прапора", протирая его от пыли и зафиксировав появление хозяев, все дружно замерли, отдавая честь.

— Порядок смотрю здесь, блеснит все,— удовлетворенно улыбнулся Петр Павлович.

— А что им еще делать?— пожал плечами Сергей.

— А что могут?

— Программа у них просто шикарная. Если бы наши женщины прочитали, то потребовали бы по экземпляру. Этот образец продвинутой электроники, способен очень на многое. Кроме хозяйственных работ он, кстати, кулинар будь здоров. Вводишь в память любую поваренную книгу, какого-нибудь профессора Похлебкина, ну и ингредиентами необходимыми обеспечиваешь. Варит, парит, жарит, неукоснительно соблюдая все рекомендации профессорские.

— А если в него брагу залить?— заинтересовался возможностями "прапоров" Силиверстович.

— Заливать ничего нельзя, да и невозможно. Отверстий для этого в корпусе не предусмотрено. Ввести нужно рецепт пойла и перегонит в лучшем виде любую гадость в самогон. Ну и аппарат нужен самогонный. Или чертеж. Он изготовит из подручных средств, но тогда процесс изготовления народного напитка будет несколько длилительнее.

— Понятно. Пока для змеевика трубки найдет, пока их в спираль свернет, пока емкость сыщет для браги, пока сообразит из чего огонь добыть. Год пади ждать придется?— опе-

чалился Силиверстович, будто притащил с собой флягу с брагой и она теперь прокисала.

– Какой год?– Сергей достал ручку и набросал чертеж перегонного аппарата, затем сунул его в сенсоры ближайшего "прапора":

– Скажи-ка, братец, сколько тебе времени понадобится, чтобы изготовить вот этот аппарат? Можно из любого металла, кроме свинца и олова. Сталь любая, золото и прочие драгметаллы подойдут.

"Прапор" секунд пять разглядывал чертеж, взяв его в передний манипулятор, затем скрипуче-ворчливым голосом Силиверстовича, доложил:

– Плевое дело. Двенадцать минут уйдет от поступления вводной команды.

– Ну вот, дедуль, а ты скис. Тащи сюда свою брагу. Через полчаса получишь отменный первач.

– Эх, жаль я не обладаю такими коэффициентами как у Михаила. У меня дома бочонок стоит вокурат к ноябрьским должна была поспеть,– вздохнул сокрушенно Силиверстович.

– Брага?– не поверил Михаил.

– Натурально она. Сам бодяжил. Моя-то против завсегда. А я грешным делом люблю своими руками чтобы. У меня и рецептик собственный имеется, годами проверенный.

– Так вы что же, самогонщик выходит заядлый, Силиверстович?– удивился еще больше Михаил.

– Ну, уж и заядлый! И почему самогонщик? Брагу делаю – это да. А вот самогоном никогда особенно не увлекался.

– Надо же. Сколько лет рядом и ведь не проговорился ни разу, – Михаил с уважением посмотрел на Силиверстовича. – Умеете хранить скелеты в шкафу.

– Да какие там скелеты, Михаил? Я думал, что все знают. Не скрывал я ничего. Стоит бочонок и стоит себе.

– А почему не угощали ни разу? Неужто сами все выпиваете?

– Да вы-то не особенно пьющие или вон норовите, что поцивилизованнее употреблять – шнапсы всякие с этими аморетями, а так-то я любому, кто вхож в дом, с легкой душой наливаю. Да и Сергей Алексеич в другой раз хряпнет бывало кружку с устатку. Ну, а ты, Михаил, человек и вовсе трезвенной жизни, так и чего предлагать сию бурду? – принялся оправдываться Силиверстович.

– А вдруг понравилась бы? Может тоже бы, глядя на вас, обзавелся бочонком и стали бы мы с Катюшей и детишками хлестать ее родимую из самовара вместо чая? Рецепт-ком-то поделились бы? – Михаил подтрунивал над Силиверстовичем, а тот уже готов был сквозь землю провалиться от досады.

– Да не дай Бог такое. Семья у тебя, Слава Богу... И пацаны все как эти грибы – боровики крепенькие. Прекрати – осерчаю, – нахмурился Силиверстович.

– Извини, Силиверстович. Так что с бочкой-то? Может

сюда ее выдернуть и пробу снять? Если честно, то пить брагу мне пока не доводилось в жизни ни разу.

– Потерял ты, сынок, не много,— скривился Петр Павлович.

– Напрасно, напрасно, Павлович, мое зелье охаиваешь преждевременно. Тебя, каюсь, тоже ни разу не угощал. Вот ты и скривился. Видать опыт имеешь отрицательный. В курсантах пади где-то отравился подобным пойлом?

– Было как-то на учениях. Парни приволокли пару банок трехлитровых. Ну, и... На другой день чуть не умер. Голова, как чугунная, во рту будто выводок кошачий переночевал,— содрогнулся от воспоминаний полковник.

– Понятно из чего там это пойло состояло. Сахар да дрожжи. А голова от сивушных масел трещала. У меня рецепт нынче исключительно на меду, на свежайшем – липовом. Это и не брага вовсе, а медовуха. Ну-ка, Михайло, давай сюда бочонок-то. За печью у меня стоит, одеяльцем ватным прикрыт.

– Так мы, что тут сейчас дегустацию устроим вашей медовухи что ли?— растерялся Михаил.

– Да что там дегустировать, племяш? Сто литров на шестерых молодцов? Да один только Серега, который теперь Алексеич у меня целую неделю из-за пари проигранного, пару ведер выхлебает и ни в одном глазу у него, только еще попросит. Я уж про Вениамина не говорю. Вон, какой хлопец вымахал. Давай, давай. И наука твоя магическая усваиваться

будет веселее. Вона, Лексеич-то уже на потолок с тоской поглядывает. А выпьет кружку, другую и сам полетит без браслета и твоих пинков под задницу,— разошелся Силиверстович.

— Ну, хорошо, уговорили,— согласился Михаил, щелкая "перстами". Бочонок сто литровый появился рядом с Силиверстовичем и он радостно облапал его, присев на корточки.

— Вениамин, Лексеич, помогите отнести посудину на место. Мне одному не поднять,— Силиверстович принялся ворочать бочонок, наклоняя его, чтобы подsunуть пальцы под дно.

— Дедуль, не напрягайся у тебя же браслет на руке. Щелкни, как Михаил перстами и бочка сама пойдет, как в сказке про щуку,— Сергей пнул легонько бочонок носком ботинка в деревянный, лакированный бок и он плавно поплыл вверх, отрываясь от пола.

— Чья работа?— удивился Михаил.— Это не я.

— Я попробовал,— засмутился Вениамин.

— Молодец. Пять балов. Первая кружка тебе в качестве поощрения, ну и для проверки. Если выживешь, то тогда и мы присоединимся,— пошутил Михаил.— Тащите уже ее в столовую, что уставились? Сейчас до потолка поднимется, прыгать придется. Я пальцем не пошевелю.

Дотолкав бочонок, ставший легче воздуха, до стола и опустив его на пол, Сергей с Вениамином вдвоем принялись щелкать пальцами, чтобы вернуть его в исходное состояние,

но проклятая посуда норовила взлететь и зависнуть.

– Вот зараза. Миш, как ты это делаешь? Думаешь, что в этот момент?

– Каждый раз разное думаю, в зависимости от ситуации. Просто сомнения нужно вышвырнуть из головы. Бочка ведь не может быть такой легкой? Вот и не верьте, что она такая. Скомандуй, как живому существу. Типа, -"Стоя-я-я-я-ть!"– попытался поделиться магическим опытом Михаил.

– Ни черта не понял. Как не верь, когда она вот такая уже и глаза видят?

– Не верь глазам своим, Серега. Рывкни на нее, чтобы не выживалась и вела себя прилично, как бочке положено.

Короче – экспериментируйте.

– Стоя-я-я-я-ять, зараза!!!– заревели хором Сергей с Вениамином и их хоровое усилие возымело наконец-то действие. Бочонок влип в пол, налившись весом.

– Получается,– обрадовался Сергей.– Ну что, дегустируем? Давай стаканы, Миш. Брагу принято пить из граненых стаканов.

– А самому слабо изобразить? С бочкой справились, давайте уж не останавливаться на достигнутом. Стаканы и желательна насос, для того, чтобы бочку не ворочать. Ну, как у пивников. Можно с педалью или рычажный.

– Так это же знать нужно, как этот насос устроен. Кинематику, так сказать, понимать. А если внутри не знаешь, как он работает, то получится видимость одна, бутафорная,– Сер-

гей зажмурился и на столе появились шесть граненых стаканов, почему-то пыльных и зеленого цвета.

— Это что за непотребство ты изобразил, Лексеич,— фыркнул Силиверстович.— Сбегай теперь на кухню, помой. Раз силенок не хватает стерильность соблюсти.

— Зато форма и количество соответствуют,— расплылся в самодовольной улыбке Сергей.

— Грязная посуда почему я спросил? Ты что чистой никогда не видел? Еще бы с хабариками внутри состряпал.

— Силиверстович, не возникай. Знаешь поговорку про пианиста? Что не стреляйте, он играет, как умеет. Обидеть и раскритиковать всякий может. Ты вот сам попробуй стакан сделать магически. А мы посмотрим, что у тебя получится. И предупреди на всякий случай, где сотворять надумаешь. Я подальше отойду от греха,— не остался в долгу Сергей.

— Нормальные стаканы,— вступился за Сергея Михаил.— Цвет, как говорится, на любителя, а пыль наверное из мозгов натряс попутно, так что на твердую тройку потянет творчество вполне. Пить-то из них можно. А мытье без надобности. Мы пыль обратно вернем на чердак Серегин и будут стерильными,— Михаил щелкнул пальцами и стаканы засияли изумрудным оттенком.

— Ты про "чердак" фигурально?— забеспокоился Сергей.— Что-то у меня голова заныла.

— Это она у тебя с непривычки. К умственной деятельности приспосабливается,— успокоил его Михаил.

– Сам дурак,— обиделся Сергей.

С насосом повозиться пришлось гораздо дольше, чем со стаканами. Раззадоренный удачными попытками других, за дело взялся Силиверстович. Даже чертежник насоса набросал рычажного.

– Вот он как выглядеть должен. Чтобы понятно было. Система инжектора. Все просто. Тянешь рукоять, создается отрицательное давление вот в этом участке и брага льется. Что смотришь бараном на ворота, Лексеич?

– Я бараном? Да понял я, понял. Накарябал, правда, как курица лапой. Может "прапоров" озадачим? Слепят золотой. Вон его сколько тут Михаил нашвырял, когда с СТН-ом соревновался. Валяется металл без пользы все равно.

– "Прапорам", конечно, это раз плюнуть, но ты сам попробуй. Браслет примени. Глядишь, понимания добавится, как им пользоваться,— Михаил пнул ногой ближайший бархан из золотых Импералов и монеты разлетелись по помещению, звеня и сверкая в лучах электроламп.

– Из золота лепить?— Сергей с сомнением разглядывал чертеж, пытаясь, очевидно, представить себе, как будет выглядеть насос в натуральном виде.

– Хоть из чугуна, лишь бы работал,— упростил задачу Михаил.

– Из чугуна? Да где его взять-то здесь? Редкий металл он тут. Невыполнимые задачи ставишь, Светозарный,— скривился Сергей.— На, Вень, попробуй ты сперва, все-таки авто-

механик какой-никакой,— Вениамин впился глазами в чертеж, сжал упрямо губы и щелкнул пальцами. Рядом с бочонком появился насос. То что это был он, всем стало понятно с первого взгляда. Наличие рукояти прямо об этом свидетельствовало. Размеры, правда, оказались несколько великоваты. Бочонок рядом с насосом выглядел лилипутским.

— Ты что эдакий отгрохал, Вень? Поменьше чуток нужно. Я ведь размеры в миллиметрах обозначил, вот смотри буква "М" накарябана,— Силиверстович ткнул пальцем в чертеж.

— Миллиметры двумя "М" нужно обозначать,— сконфузился Вениамин.— Я думал, что это метры.

— Ну, и как им качать? Уменьшай,— Силиверстович похлопал ладонью по золотой рукояти.— А так, ничего себе получился.— Следующая попытка оказалась более успешной. Выглядел насос, как положено, и размерами не пугал.

Работать, правда, не желал. Вениамин вставил его на место пробки в бочонке и попробовал качнуть. Рукоять лязгнула чем-то внутри и упала вниз.

— Что-то ты в кинематике не так изобразил,— поскреб затылок Силиверстович.— Новый будешь выщелкивать или этот разберешь?

— Проще новый,— решил Вениамин, выдергивая забракованный насос и швыряя его в кучу монет. Следующий насос у него получился гораздо элегантнее первого, даже рукоять не просто торчала куском лома укороченного из корпуса, а

изогнулась ятаганом турецким и на торце имела шар, который Вениамин очевидно предусмотрел для того чтобы ладонь с нее не сползала.

– Ишь каков этот-то у тебя получился!– восхитился Силиверстович.– Хоть в музей выставляй, ей Богу. Работает хоть?– насос работал и брага полилась в стаканы. Первым выпил Вениамин, как Михаил и пообещал, остальные стояли с полными стаканами, глядя, как он это делает.

– Ну?– Михаил хлопнул его по плечу.– Как?

– Нормально. Вроде пива, только сладковатая,– Вениамин вытер губы рукавом и присев к столу, щелкнул пальцами. В результате на нем появилась корзина с яблоками и он полез в нее, выбирая поналивистей.

– Ну, ты прямо в моих глазах растешь как на дрожжах,– обрадовался Михаил его очередному успеху.

– Это медовуха. Она соображения добавила,– предположил Силиверстович и выпив свой стакан, крикнул довольно.

– Хороша,– присев рядом с Вениамином он потянулся было к корзине за яблоком, но вдруг передумал и тоже щелкнул пальцами. В результате его магии на столе, рядом с корзиной, появился эмалированный таз с огурцами.

– Ну-у-у! Слов нет,– ахнул Михаил.– Силиверстович, снимаю шляпу. Кто следующий?

Сергей после стакана медовухи завалил стол блоками сигарет. Леонидович выдернул из браслета толстенную книгу, а Петр Павлович здоровенный каравай с солонкой на золо-

тистом, хорошо пропеченном верху.

– Леонидович, что-то ход ваших мыслей мне не понятен. После выпитого спиртного вроде бы тянет всегда покушать и побазарить, а вот чтобы читать хотелось – это что-то не совсем обычное, – не удержался от реплики Сергей.

– Так, я взглянул на стол, все уже есть. Какой из меня кулинар или кондитер? Представил себе, что привычно, – смутился Академик.

– Что за труд? – Михаил взял в руки книгу, затянутую в кожаный переплет. – Библия. Семнадцатый век. На церковно-славянском. Ну, сумел удивить.

Глава 5

Выпить бочонок сто литровый медовухи в один присест вшестером, даже крепким мужчинам – это не просто и никто особенно целью такой не задавался, конечно же. Балагурили, не спеша допивая по второму стакану и закусывая брагу яблоками и хлебом с огурцами.

– Перекусили? – встал со своего места Михаил. – Все, за дело. Занимаемся в течение пары часов подбором и подгонкой снаряжения. Берите, кто, что хочет, но камуфляж "Хамелеон" обязателен. Я сметаюсь на нижний уровень, пообщаюсь с командой Васькиной и через пару часов подгребу. К моему приходу, чтобы с экипировкой было покончено. Время оставшееся, посвятим координации действий в парах. Левитация – само собой. Серега, готовься. Пройдем на третий уровень там потолки самые замечательные. Головой не будешь задевать.

– Да я и без тебя обойдусь. Вернешься – я уже вишу или висю. Как правильно?

– Повис – правильно. Старайся. Если повиснешь к моему приходу, то с меня медаль.

– Какая?

– Ну, не знаю. Назовем ее, к примеру – "Орел". И степени там разные от первой до сотой. Чтобы стимул был долгим.

– Орел один, два, три и так до ста? Ну, блин, ты придумал.

И весом кило по пять, наверное, сварганишь?

— Зачем по пять? Килограмма по два. Миниатюрненькие такие,— подхватил шутку Вениамин.— А за что выдавать будете?

— Первую, за сам факт левитации, а потом, конечно же, за мастерство. Высший пилотаж нужно будет демонстрировать. Петли, штопоры, бочки и прочие пике,— обрадовал мужчин Михаил.— Двухкилограммовая миниатюрность, конечно, тоже ни к чему. В виде значка выполню. Типа, как у десантуры. У них за прыжки выдают значок в виде парашюта, а количество прыжков крепится отдельно на бирке ромбом. Вот и у вас будет нечто подобное. Я подумаю, как изобразить. Не парашют, конечно, а крылья. Типа орлиных.

— А себе, с какой цифиркой навесишь? Сразу с сотой?

— Себе могу с двухсотой даже. Своя рука, сам понимаешь. Думаешь, обнесу? Не надейся, Серега.

— А скромность как же? Можно подумать, что ты эти петли уже и бочки авиационные вертеть умеешь,— Сергей набулькал еще один стакан браги и, выпив его одним махом, принялся грызть маринованный огурец.

— Продемонстрировать?— Михаил медленно оторвался от пола и завис в двух метрах от него.

— Давай!— захлопал в ладоши по-детски Сергей. И в следующие пять минут Михаил продемонстрировал им все, чему научился за последние годы. Он вертелся веретеном вдоль и поперек, выписывая немыслимые кульбиты и виражи в до-

вольно замкнутом пространстве между полом и потолком, и окончательно поразил всех финалом, приземлившись точно на свой стул в положение сидя, сделав сальто с немыслимым количеством переворотов.

У соратников в глазах зарябило. И Сергей только и нашелся что сказать:

– Ух, ты, блин, как!

– Прав, племян, любую бирку вешай себе. Я не против. Хоть с числом тысяча. Мне такое сроду не постичь. Хоть бы тушку от земли оторвать и то, Слава Богу. Короче, как там про Теркина.— "Я не гордый, и согласен на медаль". На Орла Первого, стало быть, чтобы старуха не шпыняла, будто хуже остальных,— Силиверстович вздохнул сожалеюще.

– Это когда же ты, сын, успел так наловчиться?— развел руками и Петр Павлович.— Удивил, вот уж не ожидал.

– На самом деле все не так сложно. Я в Сибирской пирамиде несколько часов в главном конференц-зале покувыркался и как-то потом все пошло по нарастающей. Здесь-то тесновато. А там простор.

– Нужно будет как-нибудь выбраться и тоже попробовать,— загорелся полковник.

– Да хоть сейчас все туда и отправляйтесь. Дело-то минутное. Вернетесь через пару часов. Или я к вам подгребу. Там и зачет приму, с выдачей значков. Кто просто зависание освоит, тому первой степени. Остальным, в зависимости от скорости и количества освоенных фигур. Любой степени. Все,

ушел,— Михаил шагнул за порог, оставив личный состав решать проблему освоения левитации самостоятельно.

— Решено. Туда и прямо немедленно,— вскочил на ноги Петр Павлович.— Сумел ведь завести сынуля. Ну, Михаил! Мои гены никак проснулись наконец-то в мальчишке.

— Это он из пеленок вырос наконец-то,— поддакнул Петру Павловичу Сергей.— Кто на какую степень претендует?

— Мне вообще-то по барабану, научиться бы хоть висеть,— честно признался Вениамин.— У Михаила вон как здорово получается, что глядишь и глазам своим не веришь, а уж, что сам сможешь взлететь и тем более. Как вот я это смогу и про что думать?

— А ты как в мультике детском про Винни Пуха, песенку пой.— "Я маленькая тучка",— посоветовал ему Сергей и, набрав координаты Сибирской пирамиды, шлепнул ладонью по клавише.

Для тренировок в левитировании и в освоении высшего пилотажа конференц-зал подходил самым наилучшим образом. В этом хронопутешественники убедились уже через несколько минут, после того, как приступили к тренировкам.

Первым взлетел и завис, как ни странно, Академик. Почувствовав, что висит, он так испугался, что взмыл еще выше и с высоты метров пять, крикнул сдавленным голосом:

— Опускаться как теперь? Меня только вверх тянет очень отчего-то, братцы!

— А вы, Леонидович, представьте, что в воде плаваете и

ныряйте к нам на дно, а мы вас тут поймаем и к чему-нибудь привяжем,— крикнул ему Сергей, сочувствуя. Академик попробовал воспользоваться советом и даже начал загребать руками, будто действительно плыл в воде. Привело это к тому, что поднялся он еще выше, причем перевернувшись головой вниз.

— Ну, и ныряйте теперь!— командовал снизу Сергей, переживая за него.

— Не получается нырнуть,— Академик внезапно рухнул вниз и его едва успели поймать Петр Павлович и Вениамин.

— Ох, братцы! Все внутри трясется овечьим хвостом. Не-е-ет, не для моего возраста сии забавы. Пусть меня Михаил Петрович без медальки оставит. Мне бахвалиться не перед кем. Я по Земле Матушке привык ногами ходить, а это просто безобразие какое-то,— разуверился он в своих способностях.

— Нужно было не отпускать Мишаню, а порасспросить его как следует баламута. Легко ли вот так, раз и полетел?— разнервничался, вместе с ним за компанию, Силиверстович. Остальные подавленно молчали, напуганные не совсем удачным опытом Академика.

— А что если к поясу веревку привязать?— пришла в голову Вениамина идея.— Главное чтобы от пола получилось, как у Федора Леонидовича отрываться, а чтобы не улететь куда не надо — веревка.

— Молодец,— обрадовался его идеи Сергей и, шелкнув

пальцами, вывалил на кресла первого ряда целую бухту капронового шнура.— Километров пять здесь. Режь сколько душе угодно,— предложил он, наматывая на локоть шнур.— Метров сто хватит, а, Вень?

— Меня-то что спрашиваешь? Ты у Федора Леонидовича спроси, он у нас, после Михаила, теперь самый продвинутый левитант,— Вениамин отрезал себе метров десять шнура и, зафиксировав один конец на поясном ремне, второй принялся привязывать к креслу.— Я далеко улетать пока не собираюсь. Мне вот столько в самый раз. А теперь, Федор Леонидович, поделитесь опытом. Как это вам удалось взлететь и так быстро? Буквально без подготовки особенной. Мы ведь и прийти не успели, а вы уже орлом взмыли?

— О чем думал в тот момент, Леонидович, припомни?— присоединился к нему Сергей.

— Не думал я ни о чем специально. Вспомнил, как Михаил кувыркался давеча и понесло вверх. Наверное, нужно не думать, а представлять визуально, так сказать,— Сергей понимающе закивал и закрыл ладонями глаза. Ноги его медленно оторвались от пола и он завис в нескольких сантиметрах от него.

— Висю-ю-ю-ю-ю!!!— заорал он истошно и тут же приземлился.— Получается, мужики. Михаила вспоминайте, и в натуре несет вверх,— не прошло и пяти минут, как все пятеро уже научились зависать и опускаться.

— Ура! Я — Орел Первой степени,— веселился от души

Сергей, с каждым разом поднимаясь все выше и даже из озорства, зацепив Вениамина, висящего рядом, толкнул его в спину. В результате разлетелись оба в разные стороны.

— Как в невесомости на космическом челноке. Я по телеку видел,— делал одно открытие за другим Сергей.— И вес возвращать можно не сразу, а постепенно. Грамм по двести. Вливай и все.

— Стаканами что ли?— проворчал Силиверстович, у которого получалось хуже, чем у всех — через раз.

— Точно! Как будто медовухи твоей заливаешь постепенно. И тело ползет вниз. А потом представляешь опять Миху и вверх.

— Какой хороший метод,— ворчал Силиверстович.— Так алкашом стать недолго.

А уже через полчаса вся пятерка освоила не только зависание и опускание, но и перемещаться начала на длину шнуров, которые каждый привязал по примеру Вениамина к поясам. Кувыркнуться первым попробовал Вениамин и получилось у него это хоть и неуклюже, но с первого раза и намотавшийся на ноги при перевороте шнур, теперь мешающий, он отвязал также первым.

— Вениамин на вторую степень перешел. Мужики, не отставай,— заорал Сергей, отвязывая от пояса шнур и повторяя кульбит, который у него получился гораздо чище — не мешал шнур. Соревнуясь друг с другом, через час все пятеро уже претендовали минимум на пятую степень. Особен-

но понравилось крутить сальто и выкручиваться в штопоре Сергею. Как мальчишка, дорвавшийся до интересной игрушки, он поднимался все выше и уже высота купола в конференц-зале казалась ему не велика. Срываясь вниз, он орал дурным голосом, заставляя морщиться Силиверстовича.

– Прекрати визжать поросенком, Сергей Алексеич, не то забуду, что навеличивать тебя должен и уши оборву к чертям собачьим, – сердился он, волнуясь, что "Лексеич" не считает в эйфории расстояние и врежется лбом в пол.

– Догони сперва, дедуль, – Сергей завис над головой деда и тот погрозил внуку кулаком. – Щас, погоди чуток. Ох, дожدهшься ты у меня, внучок.

В результате все так увлеклись, что не заметили, как промелькнули отведенные на освоение левитации два часа времени. Появившийся Михаил, застал компанию барражирующей в разных концах зала. Чтобы не мешать друг другу в освоении высшего пилотажа.

– Эй, служивые! – крикнул он, и эхо понеслось под сводами, шарахаясь от одного "орла" к другому. – Я уже здесь, приземляйтесь, – "служивые" послушно прекратили упражнения и, приземлившись рядом с ним, начали делиться впечатлениями и опытом.

– Ты, Силиверстович, сразу видно, что не по двести граммов веса заливаешь, а как минимум по литру. Я еле увернуться от твоих сандалий успел. Ты смотри куда падаешь, или это ты спецом? – сделал замечание деду Сергей.

— А ты не вертись под ногами. Что за манера с самого сызмальства, так и норовишь,— огрызнулся Силиверстович, расплываясь, однако, в довольной улыбке.

— Вижу, что Орлы первой степени все, как минимум, ну а уж дальше не взыщите. Устроим экзамен. Кто первый готов продемонстрировать приобретенные навыки? Ну, чего мнетесь? Первому на одну степень прибавлю за смелость.

— Я,— гаркнули Сергей и Вениамин в один голос.

— Похвально. Хорошо, оба по плюс одному. Давай ты первый, Серега. По старшинству, так сказать,— Михаил вынул из кармана значки.— Гляньте, какие классные получились. Минут десять над дизайном голову ломал.

— А чего маленький такой?— разочарованно протянул Сергей.— С пятак совковский.

— А ты хотел какого размера? С тарелку обеденную? Не в величине дело, а в самом факте. Это же эксклюзивный знак. Ни у кого на Земле, кроме вас, такого не будет. И Орел, вон какой натуральный получился, а глазок из брюлика, кстати. Лапки — платиновые, крылья — золото с серебром. Ну а бирки из сапротида выполнил,— Михаил вынул из второго кармана целую горсть ромбиков.— От единички до сотни. Ну, единицы, вижу, ни кому уже не придется выдавать, пожалуй, с десяточки, как минимум. Вперед, курсант Руковишников, чего рот разинул? Демонстрируй, что умеешь.

— Есть, командир!— козырнул Сергей и взвился под самый купол зала. Оттуда он с воем ринулся вниз, выписывая по-

путно сальто и прочие кренделя, которые ему приходили в голову. На демонстрацию ушла минута, и Михаил крикнул ему снизу:

– Достаточно. Повторяться начинаешь. На двадцатую степень наверхтел. Фантазия слабовата. Следует тебе спецлитературу полистать на тему высшего пилотажа. Штопор, правда, у тебя получается лучше всего. Ну, это и понятно. Ты его еще в Италии освоил в 1943-ем.

– Хохмишь все?– Сергей протянул ладонь за значком.– Гони награду. Как там, у Твардовского... – "Обеспечь, коль я достоин". Бирочку давай с двадцаткой и литературу по высшему пилотажу. Я через недельку пересдам. Двадцатая степень – как-то не греет по сравнению с твоей тысячей.

– Держи,– Михаил вложил в протянутую ладонь значок и ромбик.

– А ничего такой,– Сергей принялся тут же привинчивать его к комбезу.– Прямо напротив сердца, чтобы стучалось в него,– бормотал он, закрепляя ромбик.– Не мелковата ли бирка? Число вон и не видно совсем. С метра, наверное, уже и не поймешь, что за число. Двадцатка или двойка. А, Миха?

– Давай, я индивидуально для тебя сделаю покрупнее,– Михаил щелкнул пальцами и протянул Сергею ромб размером с тетрадный лист.– Держи. На этом со ста метров число можно рассмотреть. Хочешь, еще фамилию твою там нацарапаю?

– Нет уж, убери. Я как у всех,– отстранил его руку Сергей.

– Тогда сядь в кресло и не мешай принимать экзамены, Орел двадцатой степени. Давай, Вень.

Вениамин немного не дотянул до Серегиного мастерства, получив бирку с числом 19-ть.

В течение четверти часа Михаил проэкзаменовал всех и самое маленькое число баллов получил, как он и ожидал, Академик. Федор Леонидович освоил подъем, опускание и несколько простейших разворотов.

– Пятерочка, Леонидович. Поздравляю,– пожал ему руку Михаил, вручая значок.

– Моя любимая цифра,– Академик радовался искренне, будто ему вручили не значок, а как минимум Нобелевскую премию. А первое место занял, и опять же не удивив этим Михаила – его отец. Сказалась армейская подготовка и служба в ВДВ.

– Десантников бывших не бывает,– шумно радовался Петр Павлович, прикручивая значок с числом 25-ть. – У меня двести прыжков, между прочим. Как-никак мастер спорта парашютного.

– Догоняй тогда и Орла до двухсот, Павлович,– откликнулся Сергей. – Вызываю на соревнование. Кто первый получит две сотни.

– Давай. Зачет раз в неделю,– завелся с пол оборота полковник. – Все свидетели. На что забьемся?

– Ну, с вами как-то на подзатыльники не солидно пари заключать. Алексеичем меня уже один проигравший и так драз-

нит, даже не знаю, что и востребовать...— принялся чесать затылок Сергей.

— Отработаешь месяц с кадетами рукопашником, если проиграешь,— поставил свое условие Петр Павлович.

— Да я и без пари с пацанами готов работать,— возразил было Сергей, но полковник погрозил ему пальцем.

— Нет, брат, не когда ты захочешь, а от звонка до звонка месяц.

— Так это же насилие! А как же со свободой воли?

— Так в этом и смысл. Чтобы жизнь пасекой не казалась,— пресек торг полковник.

— Ладно, согласен. А вы тогда, Павлович, обязуетесь с моими детишками тридцать раз сходить, куда Аннушка отпустит. В зоопарк, цирк или в театр на детский спектакль. В общем нянкой приходящей поработаете. Они у меня послушные, вам понравится.

— Да, послушные,— помрачнел Петр Павлович.— Всю ораву должен буду выпасать?

— Ну, совсем мелких Аннушка даже мне не доверяет. Со старшими только.

— Ну, это полегче,— повеселел Петр Павлович.— А почему тридцать раз? Тоже месяц, если по справедливости.

— Это по справедливости, потому что они у меня по зоопаркам и циркам ежедневно не шастают. Учатся они в школе. Некогда им каждый день. Ничего, за полгода наберете. Или вы боитесь проиграть?

– Ничего я не боюсь. Обставлю. Готовься сам получше, разгильдяй,— хлопнул по его подставленной ладони полковник.

Вернувшись в мазаришарифку, оставшееся время посвящали подгонке и укомплектовке снаряжения. Петр Павлович поволок всех в тир и там принялся демонстрировать различные виды стрелкового вооружения, развешивая его на соратниках: – Вам, Леонидович, как интеллигенту рафинированному вот эта базука в самый раз. Целиться не нужно. Она с самонаведением. Жутко убойная хреновина. И дальность отменная. До пяти километров. Такой городишко как Мазари-Шариф снесет к черту одним выстрелом,— полковник сунул оружие в руки Академика.

– Да зачем нам такая-то убойность? Простите покорнейше, Петр Павлович, но как помнится, говорилось, что "без пыли и шума". А из этой базуки как раз пыль до небес,— Федор Леонидович вертел короткую трубу с рукоятью и морщился.

– А, ну да. Запомятовал. Эту базуку нам нужно было бы с собой на Курскую дугу прихватить и там она была бы в самый раз.

– Вам двух танковых пушек мало было? Да эта базука ваша, по сравнению с любой из них, как двустволка, против пулемета. У меня по сию пору перед глазами пламя до неба от горящей немецкой колонны. Вот уж верно говорится, что нет такого военного, который не мечтал бы хоть немного по-

воевать,— укоризненно покачал головой Академик, возвращая базуку полковнику.

— Тогда вот эту компактную винтовку возьмите. С оптикой и глушителем. Дальность прямого выстрела не поверите — 1200 метров. Прицельная дальность ограничена только складками местности и линией горизонта. Например, в степной или пустынной местности.

— Отчего же не поверю? Охотно. Но где она там может понадобиться? Эта чудо-винтовка? Мы в Альпы собрались, а там нет линии горизонта. Одни складки сплошные, Петр Павлович, голубчик,— отказался и от винтовки Академик.

— А вы привереда, Леонидович. Вот уж не ожидал от вас такой разборчивости,— почти обиделся полковник на несговорчивого Академика.

— Тогда вот хоть нож возьмите. Замечательный нож. Сталь просто слов нет, какая качественная. Преимущество перед "Перфом", с которым Михаил с Сергеем носятся, как с писаными торбами в том, что зарядки не требует. А у них сядет, к примеру, аккумулятор и все, хлеба нарезать нечем ведь будет. Они, правда, с собой, то мечи, то сабли таскали, но согласитесь резать хлеб саблями как-то не совсем этично? Сначала людей, потом хлеб... Берите, а то разобижусь. Взгляните ножны, какие удобные,— Петр Павлович кляцнул ножом, вынимая и вставляя его обратно в ножны.

— Ну, хорошо, хорошо — уговорили. Нож я, пожалуй, возьму. Вещь в походе необходимая,— согласился Академик че-

рез силу, не желая обижать полковника.

– Ну, а уж гранатами я вас загружу под завязку. Тут вы возражать просто не имеете право. Всего пару кассет по сорок штук в комплекте. Веса всего ничего. Пластичным чем-то нашинкованы и очень эффективны. Я когда читал тактико-технические характеристики так у меня, верите ли, слюнки текли. Нам бы в армию такие. Эх!

– Зачем так много?– ужаснулся кровожадности Петра Павловича Федор Леонидович.

– Запас не помешает. Что там у противника мы не знаем точно. Может там этих секьюресов полк или два.

– Да нет их там столько. Сотня от силы. Ну, две,— попробовал возразить Академик, но тут же был приперт полковником к стенке всего одним вопросом.

– Вы эту сотню, или две видели?

– Нет, мы видели от силы десятков.

– И сделали вывод, что враг-дурак располагает сотней, другой? А враг-дурачина затаился и хихикает в составе может быть дивизии или двух.

– Что вы, Петр Павлович, окститесь – это уже паранойей пахнет. Есть, знаете ли, такое психическое заболевание.

– Слыхали мы про паранойю, но я не параноик, смею вас уверить, Леонидович. И лучше перебдеть, чем недобдеть, и потом локти кусать, как в 41-ом. Берите гранаты без разговоров. Даже и слушать не хочу возражений. Еще спасибо мне скажете. Всего восемь килограмм.

– Ну, хорошо, убедили. Но больше ничего не предлагайте. Я человек физически немощный, а вы навьючить хотите на меня пару пудов.

– Обижаете, Леонидович. Какие пуды? Нож – двести грамм с ножнами и гранаты. Пол пуда едва наскреблось. И напрасно вы себя немощным старцем тутставляете перед коллективом. Да вам никто сорок лет не дает уже лет пять. Румянец из бороды сияет. Или остаться желаете? Я готов походатайствовать перед вышестоящим командованием. Немощен, мол, наш Академик, – Петр Павлович кинул быстрый взгляд в сторону Михаила, а последние две фразы прошептал зловеще.

– Не надо перед вышестоящим... – испугался Федор Леонидович, выхватывая из рук Петра Павловича кассеты с гранатами.

Подобным же образом Петр Павлович "расправился" и с остальными членами команды, всучивая им различное огнестрельное и холодное оружие. Не рискнул "наехать" только на Михаила и Сергея, понимая, что эти уже настолько выросли в шкуры диверсантов, что, пожалуй, и ему уже дадут фору, выбирая вооружение.

– Через час уходим, – предупредил команду Михаил. – Ужинаем и вперед. Вообще-то перед боем врачи не советуют на случай ранения в живот, но кто их этих врачей когда-нибудь в нашей стране слушал. Не будем нарушать традиции разгильдяйства, тем более, что в живот ранения нам не угро-

жают.

Ужинали молча, поглядывая друг на друга и на бочонок с медовухой, но не сговариваясь никто даже не заикнулся о выпивке.

– Вернемся, тогда и закатим банкет. Пол-Москвы позове-
м. Вторая сама прибежит,— Михаил пил крепкий кофе и поглядывал на часы. Минутная стрелка приближалась к двенадцати.

– Все. Пора,— скомандовал он.— Серега, вводи координаты.

– Есть ввести координаты,— вскочил тот со своего места, подхватывая рюкзак.

Ночь в окрестностях особняка-лежбища выдалась лунной, но облачной. Небо затянуло так качественно, что "волчье солнышко" практически и не просматривалось. Накрапывал мелкий дождь и порывами ветра его швыряло в прозрачные щитки членов группы.

– Черт бы побрал эту мокрень,— проворчал Сергей рядом с Михаилом.

– Погода – блеск,— отозвался в наушниках голос полковника.— Самая, что надо, для подобных операций. Мечта диверсанта и террориста.

– Слышал, Серега, мнение эксперта? Вот и радуйся теперь. Ты в мечте диверсанта,— похлопал друга по спине Михаил и тот фыркнул в ответ.

Группа десантировалась в пятистах метрах от виллы, на

одной из горных вершин и уже полчаса вела наблюдение за ней. Стрелки на часах показывали 22 часа 30-ть минут и если бы не приборы ночного видения, то обнаружить в крошечной тьме объект было бы невозможно. Полное соблюдение светомаскировки – это, очевидно, было правилом номер один и противник его соблюдал неукоснительно. За все время не мелькнул даже огонек сигареты. Вокруг виллы, по периметру двигались патрульные пары с интервалом в пятьдесят метров с собаками на поводках, соблюдая режим молчания.

– Служба у этих парней – не позавидуешь, – вздохнул Сергей.

– Зарплата зато министерская. Думаешь, братец Ганса зря суетился, когда спешил пристроить своего братца на место освободившееся?

– Да что мне эта зарплата? Я наниматься здесь на работу не собираюсь, – буркнул Сергей, протирая пластик от капель дождя. – Поднимать щиток защитный Михаил запретил, курить тоже и мероприятие в его начальной стадии нравилось Сергею все меньше и меньше.

– Через пять минут начинаем. Действуем по намеченному плану. Перелетаем на крышу этого замка парами. Первыми идем мы с Вениамином. Вторая пара – господа отставные Академик и Полковник, замыкающая – Серега и Силиверстович. Интервал две минуты. Площадка вертолетная охраняется шестью мордоворотами Фердинанда. Мы с Вениами-

ном их нейтрализуем, а дальше сориентируемся по обстоятельствам. Начали,— Михаил с Вениамином медленно поднялись к верхушкам сосен и, набирая высоту, уплыли в сторону объекта.

Площадка вертолетная под их ногами с высоты метров в сто просматривалась в прибор ночного видения вполне отчетливо с застывшим на ней геликоптером и тремя парами охранников, рассредоточившимися по периметру.

— Заходим с двух сторон. Твоя вон та пара. Глушишь и перемещаешься к последней. Там встречаемся и ждем остальных,— поставил задачу Вениамину Михаил и ушел на снижение к своей паре.

Пара охранников стояла рядом с пулеметной турелью, переминаясь с ноги на ногу и ежась от ночной свежести. Командование, явно с целью повышения бдительности, экипировало их не достаточно тепло. Надо полагать, чтобы не дремали на посту и Михаил, зависнув у них над головами, слышал злой шепот одного из служивых.

— Чертово дерьмо, так и околеть можно пока сменят. Еще полтора часа торчать тут.

— Потерпишь, не лесби,— отозвался второй таким же шепотом.

— Что ты понимаешь в этом, идиот,— прошипел первый.

— Побольше твоего. У меня сестрица из этой категории — стерва. Капризная, вроде тебя. Чуть что, ноет.

— Заткнись. Вернемся в караулку, я тебе объясню, кто из

нас стерва,— завелся первый.— Готовь задницу. Порву.

— Свою побереги,— отозвался второй.

"Это они так до конца смены будут развлекать друг друга",— подумал Михаил, падая сверху на "стерву" и брата лесбиянки. Посадив обездвиженные тела спиной к стене, он двинулся в сторону последней пары и застал там Вениамина, который в отличие от него к разговорам охранников не прислушивался, а глушанул их сразу. И пока Михаил разобрался с одной точкой, успел нейтрализовать две.

Оставшиеся члены группы появились следом, с оговоренными интервалами и, приземлившись, в ожидании распоряжений, замерли, сжимая в руках оружие.

— Здесь один выход на чердачное помещение и спуск на этажи. Сколько там постов неизвестно. Перемещаемся в режиме левитации в том же порядке. У этих парней есть спутниковые телефоны и, очевидно, существует система переключек. С какой частотой это происходит, так же неизвестно, но несколько минут у нас есть, чтобы не потерять преимущество внезапности. Первыми огонь на поражение не открывать. Глушим охрану по возможности без летального исхода,— шепотом проинструктировал последний раз всех Михаил.— С этой секунды любой мой самый идиотский приказ выполнять без промедления. Вперед.

Чердака, как такового, за металлической дверью перекрывшей вход с вертолетной площадки, не оказалось и охраны тоже. Это насторожило Михаила. Такая беспечность не

вписывалась в систему "муха не пролетит". Открыв дверь, закрипевшую ржавыми петлями, он первым вплыл в освещенное помещение совершенно пустое без каких либо оконных, дверных и лестничных проемов. Вплыл и поднял над головой руку, останавливая группу.

Внимательно оглядевшись, Михаил понял, что пройти здесь будет не просто. Пустое помещение, метров двадцати квадратных, выглядело унылым и никогда никем не посещаемым. Серые, пенобетонные стены со всех сторон и не за что зацепиться взгляду. Пол, так же, выглядел ровным, и выполнено его покрытие было монолитно. Скошенный потолок нависал над головой ровными рядами плотно подогнанных досок.

– Ловушка номер один, судя по всему,– прошептал Михаил, перемещаясь по периметру помещения.– Всем оставаться на месте,– осмотр визуальный в течение минуты ничего не дал и он принялся исследовать пол, перемещаясь медленно к центру.

– Что там?– услышал он шепот Сергея в наушниках и погрозил ему кулаком.

– Всем молчать. Говорю только я,– в центре помещения, скользящий над полом горизонтально в десяти буквально сантиметрах лицом в низ, Михаил обнаружил едва различимый круг диаметром пару метров. "Очевидно лифтовая площадка",– подумал он, а в следующую секунду помещение наполнилось воем и грохотом. Рухнули сразу все три стены, от-

крывая чердачное пространство, заполненное людьми и техникой. Хитрые катапульты с трех сторон, выстрелили в сторону Михаила сети, которые свистнули с лязгом в воздухе, падая на его тело и обволакивая со всех сторон. Выполненные из цепей с мелкими звеньями, они горохом затрещали по "Завесе", а следом за ними летели еще и еще. Ловушка номер один пришла в действие. Михаил рубил сети "Перфом", матерясь и сопя от усилия. Даже для "Завесы" это количество оказалось изрядным и сковывало движения. Выполненные из самых прочных сортов стали, звенья распадались с трудом, выдерживая удары.

– Сергей и Вениамин, помогите. Один не справляюсь, – попросил помощи Михаил и друзья бросились ему на помощь.

– Остальные гасите из "Осп" катапульты, – загрузил работой Михаил оставшихся членов группы и плазменные сполохи заполнили чердак, выжигая прислугу и боевую технику. Лязг и вой металла прекратился и сменился на вой человеческий. Дикий, предсмертный. В течение двух минут все было кончено. Помещения заволокло дымом и в нем непроглядном, что-то с треском рвалось и ломалось, швыряя в стоящих на куче цепей диверсантов обломки механизмов и куски человеческой плоти.

– Фактор внезапности себя исчерпал, – вынужден был признать Михаил и скомандовал Сергею с Вениамином:

– Рубите проход в перекрытии. Остальные подключайтесь

тоже.

В шесть "Перфов" потолочное перекрытие, многослойное из бетона, металла и пластика, прорубили в пять минут и вырубленный трех метровый квадрат, рухнул вниз, утаскивая след за собой тонны изрубленных сетей, давя там попутно кого-то, не успевшего отскочить в сторону и взывшего так, что у Михаила по спине побежали мурашки.

– Всем, ждать,– скомандовал он, прыгая вниз на холм из цепей и получая в грудь лазерный разряд.

"Завеса" выдержала, погасив энергию, но температура внутри подскочила на столько, что Михаил зашипел от боли и выпустил в сторону вероятного противника максимальный импульс из "Оспы". Плазменный вал прокатился, испепеляя органику и оплавляя металлические конструкции, а Михаил, скатившись вниз с кучи из металлических цепей, ровно на секунду дезактивировал "Завесу", чтобы избавиться от полученного "подогрева" и застонал от наслаждения, чувствуя как падает температура, а по спине бежит не кипяток а холодные струйки пота. Все тело горело, и он попробовал снять боль, с помощью магии. Это ему частично удалось, так что теперь не нужно было кусать губы, чтобы не стонать.

– Все ко мне!– крикнул он и сверху один за другим начали прыгать фигуры в черном, скатываясь с цепей и замирая рядом с ним.

– Двигаемся тройками. Я с Вениамином и Леонидовичем слева, остальные справа. У противника здесь была лазерная

установка. Не исключено, что она не единственная. Поэтому сначала стреляем, потом входим. Во все, что шевелится и кажется подозрительным. В помещения не входить. Там могут быть ловушки, вроде той, что была наверху или что-нибудь еще изощреннее. Забрасывать гранатами. Наша цель – лестничная площадка. За угол, сначала тоже гранатой, потом из "Оспы" и только затем высовываться. Попадание лазером может быть летальным. Кроме того, возможно минирование. Это тоже неприятная вещь. Может сплющить "Завесу". Идем не спеша, с чувством, толком и расстановкой. Вперед не лезть, сзади не отставать, в середине не мешаться, – закончил он инструктаж и швырнув через кучу металла пару гранат "градин", увел за собой Вениамина и Леонидовича. Стены на этом этаже, были прошиты металлом так густо, что он растекался теперь лужами по мраморному полу и Михаил мысленно порадовался тому, что все научились левитировать. Пройти и не наступить в кипящий металл практически было невозможно. Этаж полыхал, получив максимальной мощности разряд плазмы и даже сквозь "Завесу" Михаил почувствовал уже получившим термический удар телом, что воздух здесь раскален, как в доменной печи. Дышать стало тяжело. Сушило губы и он швырнул взмахом руки в горящий этаж несколько тонн ледяных глыб, рассеивающихся ледяной шрапнелью. Михаил завис впереди своей тройки и, слыша в наушниках лающий кашель Академика, у которого первого отреагировали легкие, швырял снова

и снова лед, покрывая видимое пространство терриконами ледяной крупы и вымораживая пожарище. Остановился он только когда от холода заломило кисти рук и кашель в на-ушниках прекратился, разрядив два браслета и сменив их на новые. Картина хаоса предстала перед глазами просто фантастическая. До такого пока не додумались даже голливудовские киносценаристы с их многомиллионными бюджетами. По мраморному полу растекались лужи металла, застывшие безобразными иссиня-серыми образованиями, а по стенам и потолку ползли ледяные наплывы, срываясь с грохотом и крошась об остывший металл и мрамор. Частично обрушившиеся межэтажные перекрытия сверху, провисли, обнажив армированные прутья, толщиной в руку и завершали картину разгрома многочисленные человеческие тела. Перемешанные со строительными фрагментами, металлом и льдом они торчали там и сям, чадя обмундированием, скрюченные, обгорелые, страшные.

Глава 6

Оглядев эту свалку, Михаил "промел" ее, очищая воздух и махнув рукой, двинулся к центру этажа. Где-то слышались истеричные крики, лаяли псы и строчил, захлебываясь длинными очередями, пулемет. Это внешние периметры реагировали панически и запоздало на нападение.

– Звуки внешние отключить, включить фильтры, – Михаил оглянулся, отмечая движение троек. – Приступить к зачистке примыкающих помещений.

Не встречая активного сопротивления, тройки в течение пяти минут обошли этаж, наполняя его грохотом гранатных разрывов и собравшись у спуска на следующий этаж, замерли, готовясь к следующему этапу.

– Гранат не жалеть, – Михаил закрыл глаза, прислушиваясь к внутренним ощущениям и смутное чувство тревоги, не покидавшее его с прошлого дня усилилось настолько, что ему стало не по себе. "Что за чертовщина?" – спросил он сам себя. "Что-то я пропустил и не учел. Что?" – Михаил открыл глаза и встретился взглядом с отцом. "Что-то не так?" – прочитал он немой вопрос и улыбнувшись через силу, вывел на дисплей мобильного режим срочной эвакуации.

– Пока все в норме, но с этой секунды ни кто не удаляется от меня дальше пяти метров. Возможно, что придется срочно уйти, – ответил он на немой вопрос отца.

– Все так сложно?– все же раздался вопрос вслух. Спрашивал Сергей, замыкающий своей группы.

– Да,– не стал вдаваться в подробности Михаил, швыряя гранату за угол, и дождавшись разрыва, закончил:

– Что-то не правильно. Гадостно мне. Вперед!

На следующий этаж особняка, ворвались, забрасывая его гранатами и обрабатывая "Оспами". Взрывы, дым все повторилось, как и на предыдущем этаже, но в полной тишине режима глушения внешних источников звука.

– Следующий этаж – последний. Вперед. Мы слева,– Михаил прыгнул, набирая ускорение и взлетев чуть ли не под потолок, вклеил пару импульсов в подозрительные перемещения в самом конце широкого коридорища. Опускаясь на пол, он мельком оглянулся, фиксируя действия подчиненных. Переход на следующий этаж опять следовало разыскивать, архитекторы не предусмотрели общего лестничного марша. И быть он мог в любом месте. Рядом приземлялись члены группы, стараясь размещаться плотнее. Под ногами завибрировал пол и Михаил отключил фильтр внешних звуков. Сразу же включив его обратно в режим глушения. Визг на запредельных частотах, ударил по перепонкам и Михаил, сморщившись, поделился впечатлениями со всеми:

– Атака акустическая. Не завидую я местной братве, если у них нет затычек в ушах.

– Мне это пушечное мясо с самого начала было жаль,– отозвался Сергей, остальные промолчали.

– Зачистка,– принял решение Михаил.– Ищем спуск на следующий уровень.

На плечо Михаила упал сверху "Троян" Филя. По внутренней связи он доложил:

– Химический анализ показывает содержание в воздухе повышенного количества природного газа, из класса алканов – C₃H₈. Девять процентов.

– Пропан. Количество критическое,– прокомментировал Федор Леонидович.

– Температура при взрыве, Филя?

– Четыреста шестьдесят шесть градусов по Цельсию,– чиркнул воробей.

– "Завесы" выдержат. В чем прикол?

– Есть добавки,– Филя застрекотал формулами.

– Что это дает?

– Увеличивает температуру горения в три раза.

– Это уже веселее. Уходим,– Михаил щелкнул по кнопке возврата, а через секунду особняк взлетел на воздух.

Этой ночью в окрестностях немецкого городка Баден-Баден, посторонний наблюдатель мог увидеть, как ближе к полуночи особнячок трехэтажный, уютно дремлющий на берегу рукотворного озера, сначала осветился вдруг весь с шумом и грохотом. Потом наполнил долину трескотней очередей и полыхнул лепестками огненными в различных местах верхнего этажа, а несколько минут спустя на его месте вспыхнул огненный шар, ослепительный и от ударной волны,

окрестные горы содрогнулись, как от землетрясения. Толчок был такой силы, что даже в Баден-Бадене, в пяти километрах, из окон посыпались стекла и завyli от страха собаки различных элитных пород.

На следующий день средства массовой информации дружно промолчали об этом событии, и только слухи ползли по Баварии, пугая обывателя. О террористах, о взрыве частного дома в горах и наполняли законопослушные души добросовестных налогоплательщиков тревогой и недовольством властями.

– Это арабы или поляки. Понаехали на нашу голову в последние годы, покоя от них нет. Куда смотрит миграционная служба? Полиция работает отвратительно,– шептались под черепичными крышами бюргеры и мстительно выбрасывали агитационные листовки, призывающие электорат участвовать в очередных государственных выборах.

Вернувшись в "мазаришарифку", группа расселась вокруг стола с пультом управления комплексом и несколько минут все молча смотрели друг на друга. Затем Силиверстович крикнув с досадой, принялся разливать по стаканам брагу.

– За что выпьем, братцы кролики?– спросил он, взяв свой стакан.

– За то ,что здесь сидим, а не валяемся там жареными тушками,– буркнул Сергей, поднимая свой.

– Чуть "кур-гриль" из нас не сделали,– согласился Петр Павлович.– Что дальше?

– Дальше? Собираем информацию. Практически начинаем все с нуля. Сейчас запрошу снимки со спутников и отправлю туда Филю. Пусть снимает все, что может во всех подробностях. Доступ прессе туда естественно запретят и в СМИ даже задачу отслеживать информацию ставить "Троянам" не буду. Вот оно преимущество "шестерки" в нашем времени перед нами. Здесь только мы для них угроза, как и в прочих временах, но здесь и на нас можно найти средства. И вот... нашли. И это еще не все, что они могут. Высокое давление, взрывчатые вещества повышенной мощности или в количествах эквивалентных ядерному заряду, да и ядерное оружие применяют не задумываясь. В любой точке не побояться применить, плевать им на международные скандалы. Температурное воздействие, акустика. Что еще? Химическое и бактериологическое оружие нам не страшно, когда мы в "Завесах", но есть еще ультразвук, есть сети и прочие гадости, вроде кислот и прочих агрессивных сред, – Михаил поморщился от боли и принялся сдирать с себя комбез. На руках и груди, в том месте, куда попал лазерный импульс, кожа покрылась волдырями, лопающимися и растекающимися по телу.

– Эко тебя! – только и смог выговорить Петр Павлович, кидаясь к аптечке за мазью. – И молчит!

– А "перстами"? – Сергей принялся помогать Михаилу разоблачаться от комбинезона.

– Частично помогло, но полностью не получилось ликви-

дировать самостоятельно,— сквозь зубы прошипел Михаил.— Мощный заряд очень был. Я думал, что сварюсь на фиг.

— То-то ты врезал по ним максимальным. Так что потом пришлось все снежком самому же и припорошить,— сообразил Силиверстович.— Терпи теперь, коль Бог разумом обделил.

— То-то же. Не хватает соображения, когда надо. Мне бы вас, дядюшка, вперед пустить и сейчас бы я над вами потешался. Не сообразил,— попробовал отшутиться Михаил, подставляя руки и живот для обработки мазью.

— Ничего. За пару дней заживет,— обнадежил его Сергей.— Классное средство. Как с возвращением домой быть? Женщины ждут.

— Сказать нам им утешительного пока нечего и возвращаться, пока Михаил не поправится, нельзя. Зачем баламутить попусту?— высказал свое мнение Силиверстович.— Разведанные получим по этому особняку, будь он неладен и тогда уж будем думать, что предпринимать. А пока, братцы кролики, на казарменном положении придется пожить. Я так думаю.

— А что еще остается?— вздохнул Сергей.— Только что ты нас все кроликами навеличиваешь? Мы — Орлы в разных там степенях.

— Орлы!— фыркнул Силиверстович иронично.— Пообщипали нас сегодня слегка. Едва ноги ведь унесли. Не правильную тактику мы, братцы — "Орлы", избрали. Прав был Ми-

хаил-то. Нельзя лезть было всем сразу скопом. А если бы погибли все? Представляете, каково нашим бабам бы пришлось? Бегать сначала выяснять, куда это мы пропали, а потом гоняться за этой "шестеркой" или ждать пока детишки подрастут и займутся этой вендеттой. Ну, вот что полезли все-то? И кто только предложил такое?

– Никто не предлагал. Каждый решал самостоятельно,– Михаил, поморщился и махнул рукой.– Но я был против и теперь, после "такого щелчка по носу", впредь никакой демократии, когда дело будет касаться боевых действий. Первая наша ошибка, чуть не ставшая фатальной понята, но есть еще масса недочетов в работе. Недостаточно проведено разведывательных мероприятий. Нужно задействовать все, что возможно, чтобы разузнать о "шестерке" все от и до. Брошу всех "Троянов" мелких на сбор информации. Пусть землю роют. Недельку на подготовку более тщательную и сделаем вторую попытку, но...– Михаил обвел соратников взглядом.– Пойдут теперь не все. Хватит одной тройки. Я иду в обязательном порядке, остальные будут тянуть жребий. Другие варианты не обсуждаются.

– Тоталитаризм устанавливаешь,– проворчал Сергей.

– Да. На ближайшие недели. Потом можете меня съесть живьем,– улыбнулся Михаил.

– Спасибо за предложение, но я, пожалуй, воздержусь,– ухмыльнулся Сергей, разглядывая пятнисто тело Михаила.

– Выглядишь не аппетитно.

– Я и не настаиваю, на то уж пошло. Плесни-ка, Вень, медовухи, что-то жажда мучает. Перегрелся видать на работе сегодня. Жарко было, однако!– Вениамин протянул ему полный стакан, и Михаил выпив его одним махом, довольно подмигнул Силиверстовичу.

– Ты, дядюшка, рецептиком-то все же поделись потом. Обещаю, что семью к сему зелью приучать не стану, но Катюшу озадачу. Бочонок я сам сварганю, а вот рецепт за тобой.

– Да что там, племяш. Дело-то нехитрое. В двух словах растолкую, там ничего такого особенного-то и нет. Но чтобы потом твоя Катерина ко мне с претензиями не прибегала. Поклянись, что не проговоришься откель состав разузнал?

– Вот те крест,– перекрестился Михаил.– С чего бы это Катерина побежала разборки тебе устраивать, Силиверстович? Сроду она никуда не бегала жаловаться.

– Это потому, как ты, Мишань, поводов не давал. Нет у тебя пакостных наклонностей в избыточном, так сказать, количестве. Терпеть тебя можно, коль страстей-то нет. Но боюсь я, как бы на медовуху эту не подсел. Коварное пойло. Не для слабаков,– принялся разъяснять Михаилу назревавшую проблему Силиверстович.

– Значит, ты меня к слабакам заранее причислил?– надулся Михаил, протягивая Вениамину пустой стакан.– Вень, повтори, пожалуйста.

– Кто знает, племяш, знать бы, где упасть... Сам ведь

видел сегодня? Бывает и на старуху проруха и еще этот конь, который от работы копыта откинул, потому что думал, что борозду не испортит,— свалил Силиверстович в кучу несколько русских народных поговорок.

— Спасибо, Силиверстович, буду иметь в виду и коня, и старуху, и соломку. А теперь пора и за работу, "Орлы разных степеней". Предлагаю, не давать эту неделю "шестерке" в реальном времени и переехать пока куда-нибудь в другой век. Например, в первый. Там мы еще не были.

— Мы во многих еще не были. А почему в первый?— встретился Сергей.

— Так, в голову почему-то пришло.

— Уж не в Иерусалим ли ты, сынок, лыжи наострил? Первый век Христианства — это, значит, можно и Спасителя увидеть.

— Не получится. Форс-мажор, батюшка, на всю первую половину века. С апостолами, пожалуй, некоторыми, при желании, можно встретиться. С первоапостолами,— уточнил Михаил.— Я бы с Павлом не отказался встретиться. Умнейший был человек. Просто проповеди его послушать бы.

— И в чем дело? В чем препятствия? Отправляемся и встречаемся,— загорелся Сергей.— Хватит воевать, пора и о душе подумать. Может Павел, чего дельного подскажет. Как нам эту "шестерку" к ногтю прищемить, например.

— Ну да. Заявимся,— "Здрасте, мы из будущего и у нас своих мозгов не хватает, займите чуток".— Он, конечно, все свои

дела бросит и "займет", но что-то мне недоумком в его глазах выглядеть не хочется. И что значит "дельного"? Он что лучше нас разбирается в технологиях допотопных и современных? С апостолом о духовном говорить следует и духовного просить, а мы погрязли в материальном. Почти как "шестерка" эта. Даже хуже, потому что у них страсти в основном на уровне, как раз духовных потребностей разгораются, хоть и темных, а мы кроме того и телесно тут погрязли.

– Сравнил нас и "шестерку"? Где это мы "погрязли"? Ничего не погрязли, – Сергей нахмурился и принялся грызть огурец. – Да, если не считать властолюбия, которое нынче кое у кого через край, пожалуй, плещет, все остальное в норме. Я себя, конечно, грешником ощущаю, но не пропащим. Осознаю, значит, знаю и искореняю в меру сил. Страсти же... Как без них? Но в меру. Ты не прав, Миха, на-ка лучше яблочко скушай. Тебе, как человеку хворому, витамины требуются, грызи и поправляйся.

– Спасибо! – Михаил взял протянутое яблоко. – Можно в любой век, даже в 20-ый и без экскурсий. Просто пересидеть время. Пока я поправляюсь и пока информацию соберем дополнительную.

– Каким это образом ты собрался собирать информацию, если из века 21-го в другой смоешься? – не понял Сергей.

– Оставим полдня "Троянам" на сбор и на ее обработку, а готовиться будем в прошлом. Сейчас отбой, а с утра приступим. Порыться в архивах допотопных следует тщательнее.

Не все закрома еще выпотрошены. По верхам ведь прошли. И вообще есть у меня пара идей, которые нужно не спеша обдумать. Короче, всех загружу выше крыши. Не надейтесь, что жизнь будет курортной,— пообещал Михаил.

— Напугал. На-ка еще яблочко. Вижу аппетит у тебя зверский, в два прикуса умял,— сунул ему еще одно яблоко Сергей.— На поправку пошел. Действует мазь-то. Запасов, правда, ее мало осталось. Вот эта банка последняя.

— Есть же рецепт. Сделаем еще.

— Ты вспомни, сколько там компонентов? Это нужно кому-то исключительно сбором трав заняться, все остальные дела в сторону отодвинув. Есть желающие?— Сергей с надеждой оглядел присутствующих, но все сделали вид, что вопрос обращен не к нему. Заниматься травничеством никому не хотелось.

— Жребий бросим,— предложил Михаил.— Занудное занятие, но мазь нужна. При нашей экстремальной жизни без нее никак. Давай, Серега, стриги купоны и отметь один крестом, не будем откладывать в долгий ящик этот вопрос. И чтобы без обид. Кому повезет, тот и травник. Я в жеребьевке не участвую. Мне и без трав, во...— провел он ребром ладони по горлу.

"Повезло" Вениамину и он, вздохнув, сунул злополучный клочок бумаги с корявым крестиком в карман комбеза.

— Информацию фармацевтическую найдешь в базе данных. Обратись к Ваське, если самому лень ползать и сортиро-

вать. Его группа тебе за десять минут, составит список трав. И всю о них информацию. Где собирать, в какое время суток и время года. Ну и как называется травка на народном языке, а не только на латыни. Как выглядит наглядно, даже запахи могут подобрать в образцах. Зря вздыхаешь, Вень. Интереснейшее же дело. Я бы радовался на твоём месте. Побродишь по лесам в разных частях света. Это же мечта любого нормального человека. Пожить недельку, другую на природе. С утра и приступай. Через неделю ведро мази с тебя ландышевой. Не справишься, получишь сначала наряд вне очереди, потом на гауптвахту посадим дней на десять, ну и еще какие-нибудь репрессии применим. К выполнению приступить!— рявкнул Михаил фельдфебелем и сам первым расхохотался.

На следующий день утром, собравшись за завтраком "Орлы разных степеней" пили чай и кофе утренние и делились соображениями относительно вчерашнего дня.

— Да, нам еще кого-то нужно назначить кухаркой, не сидеть же на одних бутербродах. Или дневальство установить. Но тогда я с себя заранее снимаю ответственность за качество приготовления пищи. Предлагаю это тоже решить жеребьевкой. Ну, разумеется, Вениамин не участвует и Михаил. Ну и я как неквалифицированный в этом деле человек. Петра Павловича тоже от этого следует освободить, думаю, по той же причине что и меня. Остаются Силиверстович и Леонидович,— напомнил всем о насущном Сергей.

— А я, значит, кулинар и повар знатный?— нахмурился Силверстович.— Яичницу, конечно, я приготовить смогу с глазами, сварить опять же яйца очень вкрутую тоже. Так что два блюда дежурных вам гарантирую. Буду готовить по очереди, чтобы однообразным рацион не показался. Ты, внучок, смотрю я, шибко умным стал. Леонидович в кухарстве специалист навроде меня. Так что тянем жребий все, кроме Вениамина и Михаила. Сам ведь говорил, что "прапора" эти мечта любой хозяйки и следует только обеспечить их ингредиентами и поварской книгой. Значит, тут задача только в снабжении этими ингредиентами. Пробежаться по ближайшему рынку разок в день. На час дел.

Можно и дневальство, конечно, установить, но лучше постоянного дежурного. Я — за, режь бумажки и ставь крест.

В очередной жеребьевке "повезло" Сергею и помрачнел он, скривившись еще сильнее, чем накануне Вениамин.

— Ты что не радуешься, Серега?— удивился Михаил.— Это же еще лучше, чем у Вениамина обязанности. На людях будешь бывать. Меню сам можешь по своему усмотрению составлять. Никто тебе тут не указ. А продуктами можно холодильники забить с запасом хоть на месяц, потратив несколько часов. Потом сядешь в уголок с "прапором" и с Похлебкиным, и поставишь задачу на неделю вперед. А потом "гуляй Вася, сопли пузырями". Не обязанности, а мечта лодыря. Можете с Вениамином поменяться, я не возражаю.

— Нет уж. Жребий есть жребий,— поспешно отказался от

обмена Сергей.— Не хочу обижать Вениамина. Он уже наверняка себя травником ощущает, а тут я с прозой жизни — жратвой. Пусть будет у нас свой знахарь квалифицированный и пусть это буду не я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.